
Лиссбет Котцова
Развод.
Красные нити

Лиссбет Котцова

Развод. Красные Нити

«Литнет»
2026

Котцова Л.

Развод. Красные Нити / Л. Котцова — «Литнет», 2026

Двенадцать лет я была женой командора драконьего крыла. Любила его, ждала после вылетов и делилась своей магической силой, когда ему было тяжело.А потом Рейнар сообщил, что у него другая женщина. И что он хочет развода.Я согласилась.Но в Храме Свидетельства выяснилось: после развода муж собирается оставить себе не только новую жизнь. Красная нить нашей клятвы скрывает условие, по которому моя сила продолжит течь к нему даже тогда, когда я перестану быть его женой.Я отказываюсь подписывать такой развод, ухожу из дома и возвращаюсь к профессии мастера магических связей.А вскоре обнаруживаю невозможное: повреждённые клятвы с тем же следом есть и у других людей.Чтобы найти правду, мне приходится заключить союз с главным соперником мужа – генералом пограничной крепости Зарнаксом.У него есть закрытые документы. У меня – умение видеть то, что спрятано в красных нитях.И чем ближе мы подбираемся к разгадке, тем яснее становится: украденная у меня свобода была не случайностью.Но прежде чем разорвать чужую ложь, мне придётся вернуть себе главное – право самой решать, кому принадлежат моя сила, моя жизнь и моё сердце.

© Котцова Л., 2026
© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Развод, который не освобождает 5
Глава 2. Моего документа нет 16
Глава 3. Генерал Зарнакс 31
Глава 4. Не резать 44
Глава 5. Первый договор моей новой жизни 59
Глава 6. Мастерская 73
Глава 7. Первая цена успеха 85
Глава 8. Это моя сила 96
Конец ознакомительного фрагмента. 99

Глава 1. Развод, который не освобождает

Рейнар положил перчатки на край столика у двери.

Левая поверх правой.

Как всегда.

Двенадцать лет я время от времени перекладывала их рядом, потому что иначе верхняя съезжала на пол. Двенадцать лет он потом снова бросал их точно так же, не замечая ни падения, ни того, кто поднимает.

Я посмотрела на перчатки и подумала, что сегодня не стану их поправлять.

Странная мысль.

Особенно потому, что я ещё не знала, зачем муж попросил меня подождать его дома.

Рейнар вернулся раньше обычного. На нём всё ещё была тёмная форма командора драконьего крыла, только высокий ворот расстёгнут на одну застёжку. На плече тускло поблёскивал знак подразделения. От кожи его куртки тянуло знакомым запахом горячего камня, металла и чем-то горьковатым, что всегда оставалось после драконьих площадок.

Где-то высоко над Эйреном протрубил дракон.

Стёкла едва заметно дрогнули.

Когда-то я всякий раз подходила к окну.

Сегодня не пошевелилась.

Рейнар прошёл в гостиную, но не сел в своё кресло.

Вот тогда мне впервые стало не по себе.

– Что случилось?

Он посмотрел на меня.

Не устало, не раздражённо. Слишком собранно.

Так он входил к начальству с докладом, который заранее продумал от первой фразы до последней.

– Аврора, нам нужно поговорить.

Я почти улыбнулась.

Наверное, потому, что эта фраза была слишком банальной для Рейнара. За двенадцать лет он ни разу не начинал серьёзного разговора словами «нам нужно поговорить».

– Я догадалась.

Он не ответил на мою улыбку.

И я перестала улыбаться.

На столе остывал чай. Я машинально повернула чашку ручкой вправо, как любил Рейнар, и тут же убрала руку.

Он заметил движение.

Или мне показалось.

– Я не хочу затягивать.

– Тогда не затягивай.

Мой голос прозвучал спокойно. Даже слишком спокойно.

Рейнар вдохнул.

– У меня другая женщина.

Мне понадобилось несколько секунд, чтобы понять слова.

Не смысл. Слова.

У меня другая женщина.

Я слышала их, знала каждое по отдельности, но вместе они не хотели складываться в предложение, которое имело отношение ко мне.

К нам.

Я посмотрела на его лицо. Знакомое до той степени, когда уже не замечаешь цвета глаз или линии губ. Я знала, как у него появляется тонкая складка рядом с носом после бессонной ночи. Знала, что после долгого полёта он чуть бережёт правое плечо. Знала, как меняется его дыхание, когда он злится и не хочет показывать.

Сейчас я не узнавала ничего.

– Давно?

Он чуть помедлил.

– Достаточно давно, чтобы я понял, что это не случайность.

Наверное, правильный ответ.

Честный.

Мне захотелось ударить его чашкой.

Вместо этого я поставила её ровнее.

– Кто?

– Эвелара.

Имя оказалось хуже, чем если бы он назвал незнакомку.

Эвелара.

Влиятельная наследница. Женщина, для которой двери открывались ещё до того, как она успевала к ним подойти. Не девочка, не глупая красавица из дешёвой истории, которой можно было бы объяснить всё молодостью Рейнара, моей недостаточной красотой или ещё какой-нибудь удобной ерундой.

Взрослая женщина.

Подходящий союз.

Я подняла взгляд.

– Ты собираешься на ней жениться.

Это не было вопросом.

Рейнар не стал притворяться.

– Да.

Что-то внутри меня оборвалось очень тихо.

Без крика.

Без боли, от которой падают на пол.

Просто я вдруг поняла, что мужчина напротив уже прожил ту часть будущего, о которой мне только сейчас сообщили.

Он представил себя рядом с Эвеларой.

Обдумал брак.

Решил.

Возможно, обсудил это с ней.

А потом пришёл домой.

Ко мне.

– Значит, тебе нужен развод.

– Да.

Я кивнула.

Рейнар ждал чего-то ещё.

Слёз, наверное.

Вопроса, любит ли он её.

Требования выбрать.

Удивительно, но именно этого я спрашивать не хотела. Какая разница, насколько возвышенными словами он назовёт то, ради чего двенадцать лет нашей жизни теперь должны были закончиться?

– Хорошо.

На его лице впервые появилось настоящее выражение.

Удивление.

– Хорошо?

– Ты хочешь развода. После этого разговора я тоже его хочу.

Он расслабил плечи.

Совсем немного.

Но я заметила.

И от этого стало больнее.

Рейнар боялся сцены.

Не потери меня. Не моего ответа.

Сцены.

– Я рад, что ты воспринимаешь всё разумно.

Я посмотрела на него.

– Не говори так.

– Как?

– Будто я удачно прошла проверку.

Он нахмурился.

– Я не это имел в виду.

– Тогда скажи, что имел.

Несколько мгновений он молчал.

– Я хочу закончить всё без взаимного уничтожения. Мы прожили вместе двенадцать лет. Я не собираюсь лишать тебя того, что тебе принадлежит.

Мне вдруг захотелось рассмеяться.

Не от веселья.

– Какая щедрость.

– Аврора.

– Что?

– Не нужно превращать каждое слово в обвинение.

– У тебя другая женщина, Рейнар. Ты собираешься жениться на ней и сообщил мне об этом десять минут назад. Дай мне хотя бы сегодняшний вечер, чтобы не следить за безупречностью выражений.

Он отвёл взгляд первым.

Маленькая победа.

Настолько маленькая, что от неё хотелось плакать.

Я не заплакала.

– Я подготовил соглашение, – сказал он.

Я медленно моргнула.

– Уже?

– Я не хотел заставлять тебя заниматься формальностями в таком состоянии.

Вот оно.

Знакомое.

Та самая забота, которая всегда приходила в готовом виде.

Он уже решил, что мне будет легче.

Уже сделал.

Уже подготовил.

Мне оставалось только согласиться.

– Какие условия?

– Твоя доля совместных средств будет выплачена сразу. Личные вещи и профессиональные инструменты, разумеется, остаются твоими. По остальному имуществу мы можем не спорить. Я готов закрыть вопрос быстро и без публичного разбирательства.

Условия действительно звучали прилично.

Даже выгодно.

И именно поэтому я не сразу почувствовала подвох.

– Ты всё продумал.

– Я старался сделать это достойно.

– Измена тоже входит в достойную часть?

Он дёрнул уголком рта.

– Я не прошу тебя одобрять мои решения.

– Хорошо. Потому что с этим возникли бы сложности.

За окном снова прошла тень.

Огромная, быстрая.

На мгновение комната потемнела, и Рейнар стал похож на самого себя несколько лет назад, когда возвращался с границы обожжённый ветром и ещё умел радоваться тому, что я просто ждала его дома.

Мне стало трудно дышать.

Не сейчас.

Только не сейчас.

Я прижала ладонь к краю стола.

– Когда ты хочешь оформить развод?

– Сегодня.

Я подняла голову.

– Сегодня?

– В Храме Свидетельства есть свободное время.

– Случайно?

Он выдержал мой взгляд.

– Я договорился заранее.

Конечно.

Я отвела взгляд к его перчаткам.

Левая поверх правой.

Весь день был назначен без меня.

Разговор.

Соглашение.

Храм.

Ему требовалась моя подпись, но, кажется, не требовалось моё участие в принятии решения.

– Ты был очень уверен, что я соглашусь.

– Я был уверен, что ты не станешь держать меня в браке, которого я больше не хочу.

Это ударило неожиданно точно.

Я медленно встала.

– Не смей.

– Аврора...

– Не смей делать вид, будто проблема сейчас в том, что я могу тебя не отпустить. Ты пришёл ко мне с готовым разводом. Я сказала, что согласна. Не превращай меня в препятствие, чтобы тебе было легче.

Рейнар замолчал.

Я прошла мимо него в спальню.

Переодеваться не стала. Только собрала волосы заново, потому что руки нужно было чем-то занять.

Пальцы дрожали.

Совсем немного.

Я затянула шпильку сильнее, чем требовалось, и боль в коже неожиданно помогла.

В зеркале была женщина тридцати четырёх лет с бледным лицом и слишком внимательными глазами.

Жена командора.

Пока ещё.

Я смотрела на себя и пыталась вспомнить, кем была до этого определения.

Ничего хорошего из этого не вышло.

– Аврора?

Рейнар стоял за дверью.

– Я готова.

По дороге к Храму мы почти не разговаривали.

Эйрен не заметил, что мой брак закончился.

Уличные экипажи всё так же спорили за место у перекрёстка. Перед лавкой пекаря кто-то ругался из-за сдачи. Мальчишка с корзиной писем едва не врезался в нашу карету и показал вознице неприличный жест.

Я смотрела на город и почему-то думала, что всё должно было хотя бы немного измениться.

Небо.

Улицы.

Свет.

Но изменилось только то, чего никто снаружи не видел.

Рейнар сидел напротив.

Слишком близко для чужого человека.

Слишком далеко для мужа.

Храм Свидетельства встретил нас белым камнем, тишиной и мягким светом магических ламп.

Я была здесь много раз.

Не в качестве жены.

Когда-то я приходила с наставником, потом сама, уже мастером связей. Мы сверяли записи, снимали завершённые обязательства, проверяли повреждённые узлы.

Я не переставала понимать, как устроена работа.

Я просто слишком давно не считала это своей жизнью.

Служитель, который встретил нас, был немолод и безукоризненно вежлив.

Он проверил документы.

Попросил нас подтвердить личности.

Передал акт расторжения.

Я начала читать.

Рейнар тихо вздохнул.

– Что?

– Ничего.

– Ты хотел сказать, что я могу не читать?

– Я хотел сказать, что документ стандартный.

– Тогда он выдержит чтение.

Служитель поднял глаза.

В них мелькнуло что-то похожее на одобрение.

Или я просто очень хотела это увидеть.

Я читала внимательно.

Имущество.

Личные права.

Прекращение брачного статуса.

Ничего явно опасного.

Только одна формулировка показалась тяжеловесной:

ранее существовавшие самостоятельные обязательства сохраняли силу после прекращения брака, если не были прекращены отдельной процедурой.

Я задержалась на строке.

– Что именно у нас относится к самостоятельным обязательствам?

Рейнар ответил раньше служителя.

– Служебная поддержка.

Я посмотрела на него.

– Какая служебная поддержка?

Он слегка нахмурился.

– Аврора, мы двенадцать лет используем канал поддержки.

– Добровольный канал.

– Да.

Служитель мягко вмешался:

– Перед окончательным подтверждением структура действующих обязательств будет раскрыта. Вы сможете ознакомиться с ней.

Я кивнула.

Это было разумно.

Правильно.

И всё равно неприятное ощущение осталось.

Нас пригласили к столу регистрации.

В центре гладкой каменной поверхности лежала тонкая круглая пластина, на которой светился оттиск нашей брачной печати.

Когда-то я считала её красивой.

В первые годы иногда ловила собственную нить профессиональным зрением просто потому, что могла.

Тёплая красная линия.

Два источника.

Взаимная поддержка.

Дом.

Защита.

Обещания, которые мы выбрали сами.

Потом я перестала смотреть.

Не помню когда.

Служитель положил ладонь на пластину.

– Я раскрываю внешнюю печать для проверки сохраняющихся обязательств. После проверки потребуется подтверждение обеих сторон.

Рейнар кивнул.

Я тоже.

Свет изменился.

Не вспыхнул.

Скорее разошёлся тонкими слоями, как вода под пальцами.

И я увидела красные нити.

На мгновение всё остальное исчезло.
Годы отсутствия практики не имели значения.
Это было как услышать родной язык после долгой тишины.
Вот основной брачный контур.
Вот имущественный узел.
Вот взаимная защита.
Вот поддержка...
Я нахмурилась.
Нет.
Не так.
Я наклонилась ближе.
– Подождите.
Служитель остановился.
Рейнар ничего не сказал.
Я провела пальцем над нитью, не касаясь её.
Знакомый канал поддержки был на месте.
Но под ним лежало ещё что-то.
Тонкая ветвь уходила глубже, под старую структуру печати.
Я сфокусировала зрение.
Красное стало темнее.
Узел раскрылся.
У меня похолодели пальцы.
– Аврора?
Я не ответила.
Я искала вторую сторону.
Взаимность.
Ответный канал.
Его не было.
Нить выходила из моего источника.
Шла к Рейнару.
Только туда.
Я проверила ещё раз.
Потом ещё.
Нет.
Никакой ошибки.
– Это что?
Мой голос прозвучал тихо.
Служитель посмотрел на структуру внимательнее.
– Самостоятельное приложение поддержки.
– Какое приложение?
Он перевёл взгляд на документы.
– В регистрационной записи оно указано как отдельное обязательство.
– Я вижу, что оно отдельное. Я спрашиваю, почему оно одностороннее.
Рейнар заговорил:
– Потому что оно связано с моей службой.
Я повернулась к нему.
Слишком быстро.
– Что?
– Моя служба требует стабильного резерва. Ты знаешь это лучше многих.

– Я знаю, что открывала тебе канал, когда считала это необходимым.

– По сути ничего не меняется.

Я смотрела на него и впервые за весь день чувствовала не боль.

Холод.

Чистый, ясный холод.

– Ничего не меняется?

Рейнар выпрямился.

– Ты поддерживала меня все эти годы.

– Когда я решала поддерживать.

– Аврора...

– Где обратный канал?

Он молчал.

Мне не требовалось ответа.

Я снова посмотрела на узел.

Односторонний.

Автоматический, судя по внутреннему направлению.

Самостоятельный.

Я резко взяла акт расторжения и нашла ту строку.

Ранее существовавшие самостоятельные обязательства сохраняются после прекращения брака.

Слова перестали быть канцелярскими.

Они стали ножом.

Я прочитала ещё раз.

Медленно.

– Если я это подтвержу, узел останется.

Служитель ответил осторожно:

– Если обязательство является действующим самостоятельным условием, расторжение брака само по себе его не прекращает.

– Я спросила другое. Моя подпись подтвердит его сейчас?

Пауза стала длиннее.

– Вы подтверждаете состояние сохраняющихся обязательств на момент расторжения.

Вот и всё.

Я положила документ на стол.

– Нет.

Рейнар моргнул.

– Что значит «нет»?

– Значит, я это не подпишу.

– Аврора, не начинай.

Я посмотрела на него.

– Что именно мне не начинать?

– Ты расстроена. Я понимаю.

– Не понимаешь.

– Сейчас ты воспринимаешь всё через наш разговор дома.

Я даже не сразу поверила, что он это сказал.

– Ты думаешь, я увидела односторонний магический канал и решила возмутиться из ревности?

– Я думаю, ты сейчас не в состоянии спокойно оценить значение обязательства.

Мои пальцы перестали дрожать.

Полностью.

– Я мастер связей.
– Ты много лет не практиковала.
Боль попала точно в старое место.
Раньше я бы замолчала.
Наверное, даже задумалась бы, не прав ли он.
Сегодня передо мной лежала нить.
Она была проще многих учебных связей, которые я разбирала в двадцать лет.
И шла только в одну сторону.
– Достаточно практиковала, чтобы отличить взаимный канал от донорского.
На лице Рейнара что-то изменилось.
Очень быстро.
Но я увидела.
– Не называй его так.
– Почему?
– Потому что это служебная поддержка.
– Из моего источника.
– Да.
– Без моего отдельного решения.
Он сжал челюсть.
– Обязательство зарегистрировано законно.
Слишком быстрый ответ.
Я замерла.
Не потому, что поняла всё.
Наоборот.
Потому что впервые поняла, сколько всего я не знаю.
– Ты знал, что оно останется после развода?
Рейнар посмотрел на меня.
Несколько секунд.
Этого хватило.
– Я уточнил порядок расторжения, – сказал он наконец.
Очень аккуратно.
Как на докладе.
Я почувствовала, как внутри что-то окончательно встало на место.
Не сердце.
Что-то важнее.
– Ты знал.
– Я знал, что часть обязательств не зависит от брачного статуса.
– И не сказал мне.
– Я собирался объяснить.
Я посмотрела на документ.
– После подписи?
– Не передёргивай.
– Когда, Рейнар?
Он молчал.
Я кивнула.
– Понятно.
– Ничего тебе не понятно. Это не попытка оставить тебя без свободы.
– Правда?
Я подняла перед ним лист.

– Тогда уберём это условие.

Он отвёл взгляд на служителя.

– Сейчас это невозможно сделать одной строкой.

– Почему?

– Потому что обязательство существует независимо от брака.

– Я его не подтвержу.

– Ты подтверждала его двенадцать лет фактически.

– Я подтверждала взаимную помощь.

Голос у меня стал жёстче.

– Я открывала канал сама. Я закрывала его сама. По крайней мере, я думала, что закрывала.

Рейнар шагнул ближе.

– Аврора, моя служба не сталаменее опасной только потому, что наш брак закончился.

Вот она.

Фраза, которую я потом ещё долго слышала в голове.

Не потому, что в ней была жестокость.

Потому что для него это действительно звучало разумно.

Его служба была опасной.

Значит, мой источник должен был оставаться доступным.

Ему.

После измены.

После развода.

После того, как он женится на другой женщине.

– А моя жизнь? – спросила я.

Он нахмурился.

– Причём здесь это?

Я коротко рассмеялась.

Вот теперь мне действительно стало ясно.

– Ни при чём.

Я повернулась к служителю.

– Я не подтверждаю акт.

– Аврора.

Я не посмотрела на мужа.

– Я согласна на прекращение брака. Но не на сохранение этого обязательства.

Служитель медленно кивнул.

– Тогда согласованное расторжение не может быть завершено сегодня.

– Я понимаю.

– Вы вправе инициировать спорное расторжение через гражданский суд. Вопрос самостоятельного обязательства может рассматриваться отдельно.

– Хорошо.

Рейнар резко выдохнул.

– Ты превращаешь простой развод в судебное дело.

Я наконец посмотрела на него.

– Нет. Это сделал не я.

– Подумай, что ты делаешь.

– Впервые за сегодня только этим и занимаюсь.

Служитель начал закрывать раскрытую структуру.

Красные линии тускнели одна за другой.

Я смотрела, как внешний слой снова ложится поверх узлов.

Ещё несколько мгновений, и односторонняя ветвь исчезла из зрения.

Но теперь я знала, что она там.

Этого уже нельзя было развидеть.

Когда печать закрылась, я почувствовала слабое движение под рёбрами.

Знакомое ощущение.

Раньше я называла его усталостью.

Пустотой после тяжёлого дня.

Последствием возраста, недостатка сна, собственной слабости.

Теперь я знала направление.

От меня.

К нему.

Я прижала ладонь к боку.

Рейнар заметил.

– Видишь? – тихо сказал он. – Связь уже существует. Твой отказ подписать документ её не отменяет.

Я подняла голову.

Он хотел успокоить меня.

Наверное.

И именно поэтому его слова оказались страшнее угрозы.

Я пришла сюда женой мужчины, который выбрал другую женщину.

Я думала, что самое трудное сегодня – принять конец двенадцати лет брака.

Ошиблась.

Рейнар хотел уйти.

И оставить себе ту часть меня, которая всё это время помогала ему быть сильнее.

Я посмотрела на закрытую печать.

Красной нити больше не было видно.

Но впервые за много лет я чувствовала её совершенно отчётливо.

И впервые подумала не о том, как сохранить наш брак.

А о том, как из него выбраться.

Глава 2. Моего документа нет

Утром я нашла свою брачную клятву там, где она лежала все двенадцать лет.

В нижнем ящике шкафа, под документами на дом, старой страховкой Рейнара и двумя папками с квитанциями, которые давно следовало выбросить.

Папка была тёмно-синяя, с потёртым уголком.

Моя.

Я сама выбрала её после свадьбы.

Это почему-то оказалось важно.

После Храма я почти не спала. Лежала в гостевой комнате, слушала, как за стеной ходит Рейнар, потом как затихает дом, и чувствовала то, чего раньше будто бы не существовало.

Тонкое холодное тянущее ощущение под рёбрами.

От меня.

К нему.

Я не могла теперь назвать это усталостью.

Не могла объяснить плохим сном или тем, что последние годы мне всё труднее давалась даже простая магическая работа.

Я знала направление.

И от этого тело словно перестало принадлежать мне целиком.

Рейнар утром ушёл рано.

Служба.

Разумеется.

Драконьи крылья не отменяли вылеты потому, что у командора разрушился брак.

Перед уходом он постоял у двери гостевой комнаты.

Я не спала, но не открыла глаз.

Он ничего не сказал.

Я услышала только, как закрылась входная дверь.

После этого встала.

Теперь передо мной лежал документ, который я когда-то читала столько раз, что некоторые формулировки могла повторить по памяти.

Я всё равно начала с первой строки.

Медленно.

Не как жена.

Как мастер.

«Я, Аврора, по собственной воле вступаю в этот союз...»

Слова отдавались странно.

Я заставила себя идти дальше.

Дом.

Имущество.

Взаимная защита.

А потом фраза, на которой я остановилась.

Ни моя воля, ни мой источник не переходят во владение супруга.

Я прочитала её снова.

Провела пальцем по строчке.

Чуть ниже лежало приложение о взаимной магической поддержке.

Вот оно.

То самое, которое я помнила.

Каждый супруг мог по собственной воле открыть другому временный канал. Принимающая сторона не могла вызвать передачу без нового подтверждения дающей. Поддержка считалась взаимной. Канал закрывался по воле источника и прекращался вместе с брачным статусом, если отдельно не согласовано иное.

Я перевернула страницу.

Ещё одну.

Потом вернулась.

Прочитала всё заново.

Никакого непрерывного служебного обязательства.

Никакого автоматического открытия канала.

Никакой формулировки о том, что он существует независимо от брака.

Ничего.

Я долго сидела на полу, прислонившись спиной к шкафу.

Синяя папка лежала на коленях.

Вчера мне изменил муж.

Сегодня выяснилось, что документ, который я двенадцать лет считала своим брачным договором, не объяснял магию моего собственного брака.

Это было уже не похоже на семейную ссору.

Я собрала листы, выровняла края и только после этого поняла, что делаю.

Папа всегда смеялся над этой привычкой.

«Если мир рушится, Аврора сначала выровняет бумаги».

Раньше меня это раздражало.

Сейчас помогло.

Бумаги хотя бы можно было выровнять.

Я поднялась.

Решение пришло удивительно легко.

Мне нужен был официальный экземпляр.

Не объяснения Рейнара.

Не его версия.

Документ.

Я нашла мужа в его рабочей комнате при доме чуть позже девяти.

Он, видимо, вернулся за чем-то перед следующим выездом. На столе лежали раскрытая карта и перчатки, вчерашние, всё так же одна поверх другой.

На этот раз я даже не посмотрела на них второй раз.

Рейнар поднял голову.

– Ты не спала.

– Мне нужна твоя подпись.

Он нахмурился.

Я положила перед ним запрос.

– На полный регистрационный пакет нашей брачной клятвы.

Несколько секунд он читал.

– Зачем?

– Хочу сравнить его со своей копией.

– Аврора.

– Что?

Он откинулся на спинку кресла.

– Мы уже видели официально зарегистрированное обязательство.

– Мы видели структуру.

– Этого недостаточно?

– Мне нет.

– Ты собираешься сама разбирать собственную клятву?

Я услышала в его голосе знакомую нотку.

Раньше она означала: я волнуюсь, не делай глупостей.

Сегодня прозвучала иначе.

– Нет, – ответила я. – Именно поэтому мне нужен текст.

– Вчера тебе объяснили, что приложение действительно.

– Мне вчера объяснили, что оно зарегистрировано. Это разные вещи.

Рейнар посмотрел на меня внимательнее.

– Кто тебе это сказал?

Я почти улыбнулась.

– Я.

Его лицо стало холоднее.

– Аврора, ты давно не занимаешься этим профессионально.

– И всё ещё умею читать договор.

– Я не говорил, что не умеешь.

– Тогда подпиши запрос.

Он не взял перо.

Вот и всё.

Я почему-то надеялась, что возьмёт.

Не потому, что верила в его добрую волю.

Просто какая-то особенно упрямая часть меня всё ещё ждала границы, которую Рейнар не переступит.

Он изменил.

Он подготовил развод без меня.

Он хотел оставить себе мою силу.

Но, может быть, когда я прямо попрошу показать мне документ...

Нет.

– Почему? – спросила я.

– Потому что сейчас ты ищешь доказательство того, что тебя обманули.

– А если меня обманули?

– Тебя никто не заставлял помогать мне двенадцать лет.

Я замерла.

– Мы опять говорим о разных вещах.

– Нет. Ты просто отделяешь форму от сути, потому что тебе больно.

– Форма договора и есть суть, когда речь идёт о магическом обязательстве.

Он резко поднялся.

– Не надо читать мне лекцию.

– Я не читаю. Я прошу дать мне доступ к собственной клятве.

– Она не только твоя.

– Мой источник в ней мой.

Тишина.

Рейнар сжал пальцы на краю стола.

– Я не подпишу запрос сегодня.

Сегодня.

Будто завтра что-то изменится.

– Понятно.

Я забрала лист.

– Аврора...

– Не надо.

– Я не запрещаю тебе ничего.

Я посмотрела на него.

– Ты отказываешься дать согласие на выдачу документа, который определяет, когда и сколько моей силы может получать другой человек.

– Закрытые приложения касаются моей службы.

– Значит, всё-таки закрытые?

Он понял слишком поздно.

Совсем небольшая пауза.

Но я увидела её.

– Часть регистрационного пакета имеет служебный статус, – сказал он уже осторожнее.

– А моя копия об этом не знает.

– Твоя копия не обязана содержать внутренние служебные отметки.

– Внутренняя служебная отметка не должна забирать мою силу.

– Ты опять называешь это так, будто я тебя грабил.

Я не ответила.

Потому что впервые подумала: а как ещё это назвать?

Рейнар отвёл взгляд.

– У меня вылет через час.

– Конечно.

– Мы можем поговорить вечером.

– Не думаю.

Я забрала синюю папку со стола.

– Почему?

– Потому что вечером меня здесь не будет.

Он медленно повернул голову.

– Куда ты собралась?

– Ещё не решила.

– Аврора, не веди себя импульсивно.

Я даже рассмеялась.

Тихо.

– Ты несколько месяцев изменял мне, заранее подготовил развод и выяснил, как сохранить мой магический источник после него. А импульсивная здесь я, потому что решила сменить спальню на другой адрес?

– Это и твой дом.

– Тогда в разделе имущества мы выясним, какая именно его часть моя.

Он смотрел на меня так, будто впервые за двенадцать лет не знал, что со мной делать.

Странное ощущение.

Неприятное.

И всё же где-то глубоко внутри него была крошечная искра облегчения.

Не его.

Моего.

– Я не отказываюсь от своей доли, Рейнар, – сказала я. – Если ты на это рассчитывал, зря.

– Я не рассчитывал.

– Хорошо. Хоть в чём-то мы сегодня понимаем друг друга.

Я вышла первой.

В Главном архиве Свидетельства пахло сухой бумагой, камнем и тем особенным составом, которым сохраняли старые магические оттиски.

Я не была здесь несколько лет.

Раньше запах успокаивал.

Сегодня заставил сердце стучать быстрее.

Служитель за высокой стойкой внимательно изучил мою личную копию, акт вчерашнего несостоявшегося развода и заявление.

– Вам нужен полный пакет?

– Да.

– Включая отдельные приложения?

– Особенно их.

Он поднял взгляд.

– Часть записей имеет ограниченный режим выдачи.

– Я сторона договора.

– Безусловно.

– Тогда в чём проблема?

Он не обиделся.

Даже не удивился.

– В том, что некоторые приложения связаны не только с брачным соглашением. Если в пакете присутствуют закрытые служебные условия второго участника, полная выдача требует его согласия либо основания Палаты обязательств.

Я медленно выдохнула.

– Второй участник согласия не даст.

– Тогда вы можете подать запрос через суд.

– Сколько это займёт?

– Зависит от основания и загруженности Палаты.

– То есть не сегодня.

– Не сегодня.

Хотелось ударить ладонью по стойке.

Я не стала.

Служитель не подменял мою клятву. По крайней мере, у меня не было никаких причин так думать. Он выполнял процедуру.

Это раздражало ещё сильнее.

Было бы проще, если бы передо мной сидел злодей, который довольно улыбался и говорил: «Нет, госпожа Аврора, правды вы не получите».

Вместо этого мужчина аккуратно вернул мне бумаги.

– Я могу зарегистрировать ваш запрос.

– Регистрируйте.

– И отметить, что в действующей структуре возник спор после раскрытия печати.

– Отметьте.

Он посмотрел на меня внимательнее.

– Если вы считаете связь потенциально опасной, до получения документов не пытайтесь разрывать её самостоятельно.

Я едва не ответила, что знаю.

Потом остановилась.

Гордыня была бы особенно нелепа сегодня.

– Не буду.

– Вы мастер?

Я помедлила.

– Да.

Слово прозвучало непривычно.

Не ложно.

Именно непривычно.

Он кивнул так, словно этого было достаточно.

– Тогда вы понимаете порядок.

Осмотр.

Временная защита.

Исходные условия.

Я понимала.

И всё утро пыталась отложить следующий шаг.

Когда я вышла из архива, холод под рёбрами стал сильнее.

Не осенний.

Другой.

Я остановилась на ступенях.

Вдохнула.

Ещё раз.

Где-то далеко Рейнар тратил силу.

Тренировка. Вылет. Резонанс с драконом.

Что угодно.

А мой источник отвечал.

Я закрыла глаза.

Раньше такое случалось сотни раз.

Я садилась.

Пила что-нибудь сладкое.

Отдыхала.

Рейнар возвращался бодрее, чем должен был после тяжёлого дня, а я шутила, что, наверное, старею раньше времени.

Тридцать четыре.

Смешно.

Я прижала ладонь к боку.

– Хватит.

Прохожая рядом оглянулась.

Я сделала вид, что говорила не с собственным брачным узлом.

Пора было вспомнить, что я умею.

Коробка с инструментами стояла в глубине кладовой.

На неё успели поставить зимние покрывала и старую корзину.

Я снимала всё по одному и чувствовала, как злость становится почти полезной.

Коробку когда-то восстановил отец.

Тёмное дерево, усиленные уголки, новая внутренняя обивка.

Он не был мастером связей.

Но умел возвращать вещам форму так, что след ремонта не приходилось прятать.

«Хорошее восстановление не делает вид, что повреждения никогда не было, – говорил он. – Оно не даёт ему уничтожить вещь».

Я провела пальцами по крышке.

– Очень вовремя, папа.

Внутри всё лежало почти так, как я оставила.

Инструменты потускнели, но не испортились.

Тонкая направляющая игла.

Зажимы.

Контрольная нить.

Проявляющая пластина.

Я взяла только необходимое.

Не было никакого смысла раскладывать весь набор ради красивого воспоминания о том, какой мастер я когда-то была.

Мне нужно было сделать одну вещь.

Не порвать неизвестную связь.

Не исправить её.

Ограничить.

Я села за стол у окна.

Руки дрожали.

– Прекрасно.

Когда-то перед сложной работой пальцы у меня не дрожали.

Когда-то я могла держать профессиональное зрение часами.

Когда-то.

Я положила контрольную нить поверх запястья, выдохнула и позволила обычному зрению отступить.

Красное появилось не сразу.

Сначала только тусклое движение.

Потом контур.

Брачная печать снова закрывала большую часть структуры, но теперь я знала, куда смотреть.

Односторонний канал ощущался даже под ней.

Чужой ритм.

Чужое требование.

Мой источник отвечал на него, потому что когда-то что-то было закреплено настоящей моей подписью.

Я нашла точку выхода.

И увидела ещё одну странность.

На самой границе старого крепления линия будто накладывалась сама на себя.

Два тонких перехода там, где при нормальной работе должен был быть один.

Я нахмурилась.

Вчера печать раскрывали и снова закрывали.

Это могло оставить след.

Двенадцать лет тоже могли изменить структуру.

Я не знала.

А значит, не трогала.

Первое правило мастерства всё ещё было со мной:

если ты не понимаешь узел, не доказывай ему свою смелость.

Я поставила первый зажим не на самом канале, а рядом.

Второй.

Потом начала формировать внешний шов.

Работа, которая раньше заняла бы у меня четверть часа, растянулась почти на сорок минут.

На половине пальцы задрожали сильнее.

Я остановилась.

Подождала.

Не пыталась победить собственное тело.

Это тоже оказалось непривычно.

Потом продолжила.

Шов лёг вокруг канала тонким кольцом.

Не закрывая.

Стягивая.

Ограничивая поток.

Я почувствовала сопротивление.

Будто далёкая рука потянула нить с другого конца.

Сердце ударило быстрее.

Не Рейнар.

Не сознательно.

Само обязательство требовало привычного прохода.

Я удержала шов.

Ещё немного.

Ещё.

И закрепила последнюю точку.

Красный канал сузился.

Холод под рёбрами почти сразу стал слабее.

Не исчез.

Но впервые за много лет я вдохнула и не почувствовала, что часть вдоха ушла кому-то другому.

Я опустила руки на стол.

Минуту просто сидела.

Потом рассмеялась.

Один раз.

Без веселья и всё же почти счастливо.

Получилось.

Не идеально.

Шов был грубее, чем я хотела.

Он забирал заметную долю резерва на собственное удержание. Через несколько дней его придётся проверять, а тяжёлая работа сократит срок.

Но он держал.

Я всё ещё умела.

Эта мысль оказалась опаснее слёз.

Глаза защипало мгновенно.

Я закрыла лицо ладонями и позволила себе посидеть так немного.

Только немного.

Потом встала и начала собирать вещи.

Двенадцать лет жизни удивительно плохо помещались в два сундука.

Особенно если брать только то, что без спора принадлежало мне.

Одежда.

Личные бумаги.

Несколько украшений, подаренных именно мне.

Книги, в которых стояло моё имя.

Коробка с инструментами.

Старая тетрадь.

Письма родителей.

Я оставила мебель.

Большую часть посуды.

Вещи, которые мы выбирали вместе и которые однажды придётся делить спокойно, с бумагами и оценкой, а не в припадке оскорблённой гордости.

В кошельке оказалось пятнадцать крон.

Я пересчитала дважды.

Не потому, что не умела считать.

Потому что впервые за очень долгое время смотрела на деньги и думала:

сколько дней моей жизни здесь лежит?

Комната.

Еда.

Материалы.

Поездки.

Пятнадцать крон не были нищетой.

Но они внезапно перестали быть просто деньгами в ящике.

За ними стояла свобода, измеренная днями.

Рейнар вернулся, когда второй сундук уже стоял у двери.

Он остановился.

– Ты серьёзно.

– Вчера я тоже была серьёзна.

– Я думал, ты остынешь.

Я застегнула ремень на коробке с инструментами.

– Я не чайник.

– Не начинай опять.

– Рейнар, я сегодня обнаружила, что моя копия клятвы не содержит условия, которое забирает у меня силу.

Он застыл.

Вот теперь я была уверена: он не ожидал, что я проверю так быстро.

– Ты смотрела документы?

– Свои. Мне пока разрешено читать собственные бумаги.

– Аврора...

– Официальный пакет мне без тебя не выдали.

Он молчал.

– Я попросила твоё согласие. Ты отказал. Поэтому следующий запрос пойдёт через суд.

– Ты уже решила судиться?

– Я решила получить документ.

– Одно приведёт к другому.

– Возможно.

– Ты понимаешь, как это будет выглядеть?

Я выпрямилась.

– Для кого?

– Для командования. Для людей, которые знают нас. Для...

– Эвелары?

Он дёрнулся.

Совсем немного.

– Не втягивай её.

Я почувствовала усталость.

Настоящую, тяжёлую.

– Я не втягивала её в наш брак.

Рейнар побледнел.

Мы постояли друг напротив друга.

Я всё ещё знала, когда он раздражён, когда собирается спорить, когда сдерживается.

И всё ещё любила какие-то куски человека, который сейчас стоял передо мной.

Это было хуже всего.

Если бы вчера любовь умерла мгновенно, уход был бы красивее.

Проще.

Но двенадцать лет не исчезали от одного решения.

Мне просто больше нельзя было позволять им решать за следующие двенадцать.

Рейнар посмотрел на сундуки.

– Куда ты пойдёшь?

– Сниму комнату.

– У тебя есть деньги?

Вопрос был почти прежним.

Муж спросил бы именно так.

На секунду внутри что-то болезненно сжалось.

– Есть.

– Я могу...

– Нет.

Он закрыл рот.

Я добавила:

– Я не отказываюсь от своей доли имущества. И не откажусь. Но милостыню сегодня брать не буду.

– Я не предлагал милостыню.

– Тогда оставь деньги до официального раздела.

Он медленно кивнул.

Наверное, это был самый спокойный разговор за последние сутки.

От этого он не стал легче.

Я взяла коробку отца.

Один сундук забрал нанятый носильщик, второй ждал внизу.

Рейнар не пытался меня удерживать.

Я была благодарна ему хотя бы за это.

У двери он всё-таки сказал:

– Связь ты ограничила.

Я остановилась.

– Почувствовал?

– Поддержка стала слабее.

– Значит, шов работает.

– Ты могла навредить себе.

Я повернулась.

– Я знаю, что делала.

– Ты давно...

– Не практиковала. Я помню.

Его лицо стало жёстким.

– Моя работа зависит от резерва.

– А моя жизнь зависит от того, сколько у меня остаётся.

– Я не просил перекрывать канал.

– Именно поэтому я это сделала.

Я открыла дверь.

– Аврора.

Я оглянулась.

Он стоял посреди нашего дома.

В своём доме.

В нашем.

Пока ещё я не знала, какое слово окажется юридически правильным.

– Что?

Рейнар долго молчал.

– Будь осторожна.

Я кивнула.

Эти слова он говорил мне сотни раз.

Когда я уходила на работу.

Когда болела.

Когда ехала к родителям.

Когда мы были моложе.

Я закрыла дверь прежде, чем они успели снова сделать меня его женой.

Комната в Старом Ремесленном квартале оказалась небольшой и чистой.

Кровать.

Шкаф.

Стол у окна.

Узкая печь.

Ещё одна крошечная комната рядом, скорее кабинет, чем спальня.

Не наш просторный дом.

Но и не место, где нужно бояться притронуться к стене.

Я заплатила за первые дни и поставила коробку с инструментами на стол.

Сундуки внезапно выглядели нелепо большими.

Я села на край кровати.

Тишина.

Никто не должен был вернуться вечером.

Никто не оставит перчатки у двери.

Никто не спросит, что на ужин.

Я прижала ладонь ко рту.

Не помогло.

Слёзы всё-таки пришли.

Не красивые.

Не тихие.

Я плакала о человеке, которому больше не доверяла.

О доме, который сама покинула.

О себе двадцатидвухлетней, уверенной, что выбрала любовь на всю жизнь.

А потом умылась холодной водой, потому что жизнь, к сожалению и к счастью, не заканчивается вместе с правильно поставленной эмоциональной точкой.

Мне нужны были материалы.

И деньги.

Лучше в обратном порядке.

Старую лавку профессиональных принадлежностей я нашла без карты.

Ноги помнили дорогу лучше меня.

Хозяин поднял голову от счётной книги и некоторое время смотрел, прежде чем узнал.

– Аврора?

– Здравствуйте.

– Мастер Аврора?

Слово снова ударило куда-то под сердце.

Я сделала вид, что ничего не произошло.

– Пока достаточно просто Аврора.

Он оглядел коробку в моей руке.

– Вернулась к работе?

Я могла ответить «нет».

Сказать, что мне нужна всего лишь контрольная нить для личного дела.

Не брать на себя ничего больше.

Но тогда пришлось бы завтра снова решать тот же вопрос.

– Похоже на то.

Он не стал спрашивать почему.

За это я была благодарна.

Я купила немного контрольной нити и два расходных зажима.

Каждая монета теперь звучала громче.

Когда я уже собиралась уходить, хозяин окликнул меня:

– Если действительно вернулась, тут утром женщина спрашивала мастера. Ничего сложного, кажется. Её обычный специалист уехал.

Я замерла.

– Что за работа?

– Завершённая рабочая связь. Один участок не закрылся правильно, тянет кисть. Документы у неё есть.

Документы есть.

Простая работа.

Я почувствовала усталость от утреннего шва.

Проверила его мысленно.

Держится.

Если случай действительно простой, я справлюсь.

Если нет, остановлюсь.

– Как её зовут?

– Тесса.

– Пусть приходит.

Хозяин приподнял брови.

– Куда?

Я тоже замерла.

Мастерской у меня не было.

Вчера был дом.

Сегодня была комната с пустым столом.

– Сюда, если вы не против. Я оплачу место.

Он фыркнул.

– За первый день не обеднею.

– Я оплачу.

– Всё такая же.

– Надеюсь, не совсем.

Тессе оказалось лет сорок пять или чуть больше.

Крепкая женщина с быстрым взглядом и руками человека, который привык работать, а не показывать их окружающим.

Она положила на стол папку.

– Мне сказали, вы мастер.

Я посмотрела на хозяина лавки.

Он вдруг очень заинтересовался дальним шкафом.

– Училась и работала мастером, – ответила я. – Был большой перерыв.

Тесса оценила меня без всякой деликатности.

– А сегодня уже работали?

– Да.

– Успешно?

Я чуть не рассмеялась.

– Пока шов держится.

– Значит, годится.

Мне понравился её подход.

– Сначала документы.

Она подвинула папку.

Связь оказалась действительно простой.

Несколько лет назад Тесса работала по договору с большой транспортной конторой. Клятва защищала сведения о грузах и закрепляла материальную ответственность за часть поставок. Основной срок закончился, ответственность закрыли документально, но один из вспомогательных участков продолжал цепляться за её источник и давал неприятное онемение в правой кисти.

– Три недели уже, – сказала она. – По ночам пальцы сводит.

– Почему не пришли раньше?

– Работала.

– Очень уважительная причина потерять руку.

Тесса посмотрела на меня.

Я поняла, что сказала это тоном старого мастера Ильмара.

– Ладно, – сказала она. – В следующий раз развалюсь заранее.

– Договорились.

Я сверила текст.

Проверила завершение обязательства.

Только потом открыла профессиональное зрение.

Красная структура появилась быстрее, чем утром.

Не легко.

Но быстрее.

Я увидела повреждённый участок.

Ничего опасного.

Старая рабочая петля не разошлась после законного завершения и теперь цеплялась за соседний контур.

– Это можно исправить, – сказала я.

– Сегодня?

– Сегодня.

– Сколько?

Я вспомнила цены.

Вспомнила, что мне нужны деньги.

И очень захотелось назвать меньше, лишь бы Тесса не ушла.

Старая привычка.

Быть удобной.

– Три кроны.

Она кивнула без торга.

И мне стало почти неловко от того, насколько легко это произошло.

Я работала медленно.

Слишком медленно для себя прежней.

Но руки помнили.

Направляющая игла легла правильно.

Я отделила завершённую петлю.

Ослабила остаточное натяжение.

Проверила документ.

Только потом сняла лишнее крепление и восстановила край основной связи.

Тесса разжала пальцы.

Сжала снова.

– Теплее.

– Подождите.

Я закончила проверку.

– Теперь?

Она подвигала кистью.

На её лице появилось недоверчивое облегчение.

– Не тянет.

Вот и всё.

Никаких фанфар.

Никакого великого возвращения.

У женщины перестала болеть рука.

А я снова сделала то, чему училась много лет назад.

Тесса положила на стол три кроны.

Я смотрела на них секунду дольше, чем следовало.

– Мало? – спросила она.

– Нет.

Я взяла деньги.

Три кроны.

За мою работу.

Не семейные.

Не Рейнара.

Не выделенные мне на хозяйство.

Мои.

Я почувствовала, что улыбаюсь.

Совсем немного.

– Что? – спросила Тесса.

– Ничего.

– Тогда у вас странное лицо для ничего.

– Давно мне не платили за мою профессию.

Она пожала плечами.

– Значит, сегодня заплатили.

Практичная женщина.

Наверное, поэтому её слова подействовали лучше любой поддержки.

Я уже собиралась закрыть профессиональное зрение, когда заметила линию возле регистрационного крепления её клятвы.

Две тонкие красные дуги.

Одна поверх другой.

Я замерла.

Нет.

Не может быть.

– Что случилось? – сразу спросила Тесса.

– Не двигайтесь.

Я приблизила проявляющую пластину.

Посмотрела ещё раз.

Старая точка подтверждения.

И новая привязка.

Два перехода там, где должен быть один.

Точно такой же странный стык я видела утром на собственной связи.

Тогда я решила, что его могло оставить вчерашнее раскрытие печати.

Но Тесса вчера не разводилась.

Её клятву вообще не раскрывали много лет.

– У вас есть ещё документы по этому договору?

– Всё, что мне выдали.

– Кто его оформлял?

Она задумалась.

– Контора сама возила бумаги. Мы тогда получили большой государственный заказ.

– Какой?

– Снабжение на Корвальский рубеж. Часть грузов шла в Карваль.

Я медленно опустила пластину.

Корваль.

Пограничные поставки.

Военная система.

Тесса нахмурилась.

– Мастер Аврора, вы мне что-то не говорите?

Я посмотрела на двойной стык.

Утром он мог быть случайностью.

Следом возраста.

Последствием вчерашней процедуры.

Чем угодно.

Теперь передо мной лежала чужая клятва.

Другой человек.

Другой договор.

И тот же след.

– Пока не знаю, что именно говорить, – ответила я.

Впервые за последние сутки это была не попытка успокоить кого-то.

Это была профессиональная правда.

Я закрыла глаза, ещё раз проверила свой защитный шов и почувствовала под ним собственный неправильный стык.

Два договора.

Два человека.

Один и тот же дефект.

Вчера я думала, что мне придётся доказать, что в моём браке спрятали условие, которого я не принимала.

Теперь вопрос стал хуже.

Насколько я могла судить, кто-то делал это не только со мной.

Глава 3. Генерал Зарнакс

К полудню я успела пожалеть о своём решении ехать в Карваль примерно семь раз.

В первый раз, когда экипаж выехал из Эйрена ещё затемно.

Во второй, когда на первой дорожной станции мне объяснили, что служебный пропуск генерала позволяет менять лошадей без очереди, а значит, останавливаться дольше, чем на несколько минут, никто не собирается.

В третий, когда после очередной смены у меня заныла спина.

К седьмому я перестала считать.

За окном тянулась дорога Корвальского рубежа, сухая после нескольких прохладных дней. Холмы становились выше, лес плотнее, а встречных обозов меньше.

Я сидела у окна, придерживая на коленях коробку с инструментами.

Синий пакет документов лежал рядом.

Там была моя брачная клятва.

Копия договора Тессы.

И короткое письмо, из-за которого я сейчас неслась к границе с такой скоростью, словно за мной гнался сам Рейнар.

Хотя Рейнар пока даже не знал, куда я уехала.

По крайней мере, я на это надеялась.

Весь вчерашний день ушёл на то, чтобы понять, откуда взялся договор Тессы.

Транспортная контора, старый государственный заказ, снабжение Корвальского рубежа, регистрационный номер военного приложения.

Ничего сенсационного.

Пока я не отправила официальный запрос в Карваль, указав номер договора и описав двойной стык.

Без выводов.

Без обвинений.

Только профессиональный вопрос:

встречались ли у них похожие повреждения?

Ответ пришёл быстрее, чем я ожидала.

Военный курьер нашёл меня вечером в Старом Ремесленном квартале.

Письмо состояло из четырёх строк.

«Мастер Аврора.

Подобные нарушения обнаружены в нескольких служебных связях. Требуется профессиональная оценка.

Если вы готовы прибыть в Карваль, дорожный пропуск прилагается.

Генерал Зарнакс».

Ни приветствия.

Ни сожалений.

Ни объяснений, откуда генерал знает обо мне.

Очень по-военному.

Я перечитала письмо трижды, а потом подумала, что женщина, которая два дня назад узнала об измене мужа, вчера съехала из дома и поставила себе защитный шов на неизвестный донорский канал, наверное, имеет право хотя бы один вечер провести без новых решений.

Утром я поехала в Карваль.

Возможно, у меня были своеобразные представления об отдыхе.

Экипаж подпрыгнул на стыке дорожных плит.

Под рёбрами потянуло холодом.

Я сразу положила ладонь на бок.

Шов держался.

Но уже не так спокойно, как вчера.

Быстрая дорога забирала силы сама по себе. Постоянная тряска, ранний подъём, невозможность нормально поесть, напряжение.

А часть моего резерва всё время уходила на то, чтобы удерживать магическую перетяжку.

Я закрыла глаза и проверила натяжение.

Ровно.

Пока ровно.

Первый шов должен был прожить около трёх суток при щадящей нагрузке.

Слова «щадящая нагрузка» плохо сочетались с одним днём по служебной дороге до Карваля.

Но возвращаться было поздно.

И, если быть совсем честной, я не хотела.

В Эйрене меня ждали:

пустая комната,

запрос в архиве,

суд, которым я пока даже не знала, с какой стороны заниматься,

и муж, считавший мой источник частью собственной служебной необходимости.

В Карвале меня ждали чужие документы.

Сегодня чужие проблемы казались проще.

Крепость появилась на горизонте ближе к вечеру.

Сначала стены.

Потом башни.

А потом я увидела дракона.

Он заходил на посадку далеко справа от основной крепости, туда, где на каменной площадке стояли сигнальные мачты.

Огромное тёмное тело накренилось над землёй.

Крылья ударили воздух.

Даже на расстоянии я почувствовала вибрацию в груди.

Экипаж не остановился.

Кучер только придержал лошадей, пока дракон опускался за внешней стеной.

Я невольно смотрела туда, пока площадка не скрылась.

Странно.

Большую часть взрослой жизни драконы были частью моей повседневности.

Служба Рейнара.

Вылеты.

Форма.

Запах снаряжения.

Разговоры о погоде на высоте, восстановлении, графиках крыла.

Теперь впервые я смотрела на дракона и не думала о муже.

Карваль оказался не замком, каким я почему-то представляла его в детстве, слушая рассказы о границе.

Это был настоящий военный город.

Стены.

Внутренние дворы.

Казармы.

Склады.

Госпитальный корпус.

Мастерские.

Люди в форме двигались быстро, но без суеты.

Никто не производил впечатления человека, который ждёт осады сегодня вечером.

И всё же расслабленных лиц я почти не увидела.

На воротах мой пропуск проверили дважды.

На вторых воротах в экипаж заглянул офицер.

– Мастер Аврора?

Слово прозвучало неожиданно приятно.

– Да.

– Генерал ждёт.

Очень хотелось спросить, давно ли.

Вместо этого я выбралась наружу.

После целого дня в дороге ноги несколько секунд не желали вспоминать, как держать человека вертикально.

Я ухватилась за ручку дверцы.

Офицер сделал вид, что не заметил.

Хороший человек.

Коробку я не отдала.

Он повёл меня через внутренний двор.

Я ожидала, что вокруг командующего пограничной крепостью будет больше церемоний.

Не было.

Два коридора.

Лестница.

Приёмная.

Короткий стук.

– Войдите.

Низкий мужской голос.

Спокойный.

Я вошла.

Первое, что я подумала о генерале Зарнаксе:

он занимал слишком много места.

Не потому, что кабинет был маленьким.

Кабинет был большим.

Карта рубежа занимала почти всю стену. Возле другой стояли шкафы с документами. На отдельном столе лежали донесения, перевязанные цветными шнурами.

Просто сам Зарнакс был крупным мужчиной.

Очень высоким.

Когда он поднялся из-за стола, мне пришлось чуть задрать подбородок.

Тёмные волосы.

Седина на висках.

Форма без лишних украшений.

Лицо, которое трудно было назвать красивым в привычном смысле. Нос когда-то ломали. Через одну бровь проходил маленький старый шрам.

Он посмотрел на меня так, будто за первые три секунды пытался решить сразу несколько задач.

Я сделала примерно то же самое.

– Госпожа Аврора.

– Мастер Аврора, если вы пригласили меня из-за клятв.

Пауза.

Я успела подумать, что начала знакомство с генералом пограничного рубежа не самым дипломатичным способом.

– Мастер Аврора, – поправился он.

И указал на стул.

– Садитесь.

Я села.

Только после этого он опустился в своё кресло.

На стол легла его рука.

Большая.

С заметными старыми мозолями.

Не рука человека, всю жизнь подписывавшего приказы.

– Дорога?

– Длинная.

– Это я знаю. Я спросил, как вы её перенесли.

Прямой вопрос.

Так же прямо хотелось соврать.

– Нормально.

Зарнакс посмотрел на меня.

Я вдруг поняла, что он не поверил.

– Хорошо, – сказал он. – Тогда начнём с документов, а людей вы сегодня смотреть не будете.

Я выпрямилась.

– Это решаю я.

Его бровь со шрамом чуть поднялась.

– Уже интереснее.

– Что именно?

– Мне сказали, что вы давно не практиковали.

Вот оно.

– Кто сказал?

– Это имеет значение?

– Если вы собираетесь оценивать мою работу по слухам, да.

Зарнакс откинулся назад.

Не раздражённо.

Скорее рассматривая новое обстоятельство.

– Командор Рейнар не присылал мне отчёт о вашей профессиональной форме, если вы об этом.

– Хорошо.

– Но я знаю, кто вы.

Я ничего не ответила.

– Жена командора драконьего крыла, – продолжил он. – Мастер связей с большим перерывом в практике. И человек, который вчера отправил в Карваль описание дефекта, похожего на то, что мои специалисты не могут объяснить несколько месяцев.

– Всё верно.

– Не всё.

– Что ещё?

– Я не знаю, зачем вы здесь.

Мне понадобилась секунда.

– Вы меня пригласили.

– Я знаю, зачем вы приехали официально.

Вот теперь стало ясно.

Я поставила коробку с инструментами рядом со стулом.

– Спрашивайте прямо.

– Рейнар знает, что вы здесь?

– Не думаю.

– Он вас прислал?

– Нет.

– Вы работаете на него?

Я смотрела на Зарнакса и чувствовала, как у меня поднимается раздражение.

Не потому, что вопрос был нелепым.

Наоборот.

Потому что он был разумным.

Я была женой его профессионального противника.

Приехала после письма о повреждениях в военных клятвах.

Возможно, на его месте я спросила бы то же самое.

Это не мешало вопросу бесить.

– Нет.

– Он знает о двойном стыке в договоре Тессы?

– Я ему не сообщала.

– Но мог узнать другим путём.

– Мог.

– Мог использовать вас, даже если вы этого не знаете.

Я медленно вдохнула.

– Вы всегда так разговариваете с людьми, которых сами позвали на работу?

– Когда от ответа зависит безопасность моих людей, да.

– Тогда мой ответ не изменился.

Зарнакс замолчал.

Он не постукивал пальцами.

Не ходил по кабинету.

Просто сидел неподвижно и думал.

– Хорошо, – произнёс он наконец. – Теперь ваш вопрос.

– Один?

– Для начала.

Я сложила руки на коленях.

– Почему генерал Корвальского рубежа лично занимается несколькими повреждёнными клятвами?

Угол его рта едва заметно изменился.

– Потому что три человека за два месяца потеряли больше резерва, чем должны были при обычной служебной нагрузке.

Я перестала думать о его манере задавать вопросы.

– Три?

– Три подтверждённых случая. Ещё два под вопросом.

– У них одинаковые клятвы?

– Нет.

– Одно подразделение?

– Нет.

– Один период оформления?

– Не знаю.

– Один мастер?

– Именно для этого вы здесь.

Я потянулась к коробке.

– Тогда покажите документы.

Он не двинулся.

– Сначала условия.

– Какие?

– Ваши.

Это было неожиданно.

– Моей работы?

– Да.

– Вы сначала приглашаете мастера через половину Арденора, а потом спрашиваете, на каких условиях он работает?

– Я сначала хотел убедиться, что мастер приехал сам.

Я прищурилась.

– Убедились?

– Пока да.

Раздражающий человек.

Ещё более раздражающим было то, что он хотя бы не притворялся.

– Мне нужен доступ к полным документам по каждому случаю, который я осматриваю.

– В пределах допуска.

– Если вы скроете часть структуры, я не буду работать.

– Закрытые сведения могут не относиться к магической части.

– Это решаю не вы.

Взгляд Зарнакса стал тяжелее.

– В моей крепости вопросы допуска решаю я.

– Тогда найдите другого мастера.

Тишина.

Офицер у двери, которого я до этого почти не замечала, перестал дышать.

Или мне показалось.

Зарнакс перевёл взгляд на него.

– Оставьте нас.

Тот вышел.

Дверь закрылась.

– Продолжайте, – сказал генерал.

Я не ожидала.

– Мне нужен полный магический текст конкретного обязательства. Я не прошу планы обороны Карваля. Но если вы дадите мне половину клятвы и потребуете вмешательства, я откажусь.

– Разумно.

– Мне нужно право остановить процедуру в любой момент.

– Если вы видите угрозу человеку?

– Если я считаю работу небезопасной.

– Разница?

– В первом случае мне придётся доказывать вам угрозу. Во втором вы признаёте моё профессиональное решение.

Он посмотрел внимательнее.

– Хорошо.

Я не сразу продолжила.

Почему-то ожидала спора.

– Никто не вмешивается в структуру, пока я работаю.

– Даже военный мастер?

– Особенно военный мастер, если не я его пригласила.

– Жёстко.

– Безопасно.

В этот раз угол его рта действительно дрогнул.

– Вы быстро учитесь говорить на моём языке.

Я неожиданно улыбнулась.

Совсем чуть-чуть.

– Пока только отдельные слова.

И сразу разозлилась на себя.

Три дня.

Всего три дня назад мой муж сообщил, что собирается жениться на другой.

А я сейчас заметила, что у совершенно чужого мужчины спокойный низкий голос и седина на висках ему идёт.

Прекрасно.

Моё чувство приличия решило умереть вслед за браком.

Я отвела взгляд к документам.

– Ещё оплата.

– Двадцать крон аванса.

Я снова посмотрела на него.

– За что?

Теперь удивился он.

– Обычно на этом месте спрашивают, когда можно получить деньги.

– Двадцать крон слишком много за одну консультацию.

– Это не одна консультация. Я предлагаю предварительное обследование нескольких случаев, работу с документами и ваше пребывание в Карвале столько, сколько потребуется для первого заключения. Дорога и расходы отдельно.

Двадцать крон.

Почти несколько недель самостоятельной жизни.

Комната.

Еда.

Материалы.

Возможность не соглашаться на каждую работу только потому, что нужно заплатить за следующий день.

Я почувствовала, как внутри слишком быстро родилось облегчение.

И сразу испугалась его.

Нет.

Одного влиятельного военного в моей жизни уже хватало.

Я не собиралась менять зависимость от мужа на зависимость от генерала.

– Предварительная работа, – сказала я. – Не долгосрочный контракт.

– Пока нет.

– Результаты по конкретным людям нельзя использовать против них без отдельного основания.

– Если обнаружится преступление?

– Тогда действует закон. Но медицинские или магические подробности человека не должны становиться частью служебного взыскания только потому, что вы за них заплатили.

Зарнакс постучал ногтем по краю бумаги.

Один раз.

– Вы приехали защищать моих солдат от меня?

– Я приехала работать с их источниками.

– Это не ответ.

– Это именно ответ.

Он долго смотрел.

Потом протянул руку к чистому листу.

– Запишем.

Вот этого я тоже не ожидала.

– Сразу?

– Вы хотите, чтобы я пообещал устно?

– Нет.

– Я тоже.

Он написал несколько строк быстрым крупным почерком.

– Полные документы по обследуемому обязательству в пределах необходимого профессионального доступа. Право мастера остановить процедуру. Невмешательство без её согласия. Отдельный порядок использования личных результатов.

Он поднял глаза.

– Так?

Я прочитала.

– Добавьте, что обследование проводится только с согласия самого человека.

На этот раз пауза была заметнее.

– Они военнослужащие.

– И?

– Часть обследований может быть назначена командованием.

– Осмотр состояния, возможно. Магическое вмешательство, нет.

– Если отказ ставит под угрозу подразделение?

Вот она.

Не Рейнар.

Совсем другой человек.

Но знакомая логика.

Безопасность.

Обязанность.

Общая польза.

Я почувствовала, как внутри всё напряглось.

– Тогда сначала получите законное основание, которое даёт вам право вмешиваться в чужой источник без согласия. Потом покажете его мне.

Глаза Зарнакса стали жёстче.

– Вы понимаете, где находитесь?

– В Карвале.

– На границе.

– Я заметила стены.

– Здесь решения иногда принимаются быстрее, чем в Эйрене.

– А человеческий источник из-за этого устроен иначе?

Он замолчал.

Я уже почти ждала, что сейчас разговор закончится.

Возможно, двадцать крон тоже закончатся.

Возможно, через час я буду искать обычный экипаж обратно в Эйрен.

Зарнакс медленно провёл большим пальцем по костяшке указательного.

Один раз.

Потом дописал строку.

– Магическое вмешательство только с информированного согласия человека, кроме случаев, прямо предусмотренных законом.

Он развернул лист ко мне.

– Принимаете?

Я перечитала.

– Да.

– Хорошо.

Он вызвал секретаря.

Договор оформили быстро.

Я поставила подпись только после того, как прочитала каждую строку.

Зарнакс наблюдал.

– Что?

– Ничего.

– У вас выражение лица человека, который хочет что-то сказать.

– Я думаю, вы читаете договоры тщательнее большинства военных.

Я едва не рассмеялась.

– Последние два дня у меня появилась причина.

Он не спросил.

И за это я была ему благодарна.

Документы принесли через несколько минут.

Три папки.

Без имён на обложках, только номера.

– Людей сегодня не будет, – сказал Зарнакс.

– Вы всё ещё решили за меня?

– Нет.

Я подняла бровь.

– Предлагаю сначала посмотреть бумаги. Если после дороги вы захотите работать с человеком сегодня, скажете.

Это было почти смешно.

Он действительно исправил формулировку.

– Сначала бумаги, – согласилась я.

– Чай?

Я хотела отказаться просто из упрямства.

Потом вспомнила, что в последний раз нормально ела утром.

– И что-нибудь съедобное, если это не нарушит военную тайну.

Зарнакс посмотрел на меня несколько секунд.

– Постараемся рискнуть.

Я не сразу поняла, что это шутка.

Когда поняла, он уже вернулся к документам.

Очень сухой человек.

Опасно.

Я открыла первую папку.

Служебная клятва была сложнее договора Тессы.

Гораздо сложнее.

Но документы были подлинными, с полным описанием условий, регистрационными отметками и приложениями.

Я читала медленно.

Зарнакс не торопил.

Через некоторое время принесли чай, хлеб, холодное мясо и сыр.

Я попыталась продолжить чтение.

Строки начали расплываться.

– Ешьте, – сказал Зарнакс.

Я подняла глаза.

– Это приказ?

– Рекомендация.

– Уже лучше.

Он опустил взгляд в свой документ.

Я отломила хлеб.

Только после первого куска поняла, насколько была голодна.

Мы работали молча почти час.

Не совсем вместе.

Он занимался своими донесениями.

Я его папками.

Но постепенно я начала замечать странную вещь.

Он не мешал.

Для человека, который явно привык контролировать всё вокруг, Зарнакс удивительно хорошо умел молчать, когда другой человек работал.

Один раз я попросила дополнительный лист регистрации.

Он подал его без вопросов.

Второй раз мне понадобилось сравнить номера приложений.

Через минуту на стол легла сводка.

– Вы заранее это подготовили?

– Я пригласил вас не для беседы.

Разумно.

Почти приятно.

Очень не вовремя.

В конце второй папки я остановилась.

Регистрационная отметка.

Старший регистратор сложных приложений.

Севар Кейн.

Имя зацепило память.

Я нахмурилась.

Где?

Где я его видела?

– Что?

Голос Зарнакса прозвучал рядом.

Он подошёл к моему столу так тихо, что я не заметила.

Я указала на подпись.

– Это имя встречается в других ваших случаях?

– В одном точно.

Он наклонился над папкой.

Слишком близко.

Я почувствовала тепло его плеча ещё до того, как осознала расстояние между нами.

И на совершенно ненужную секунду заметила, что седина у него не только на одном виске.

Я отодвинула папку.

И себя вместе с ней.

– Покажите.
Зарнакс ничего не сказал.
Принёс третий пакет.
Там имя стояло снова.
Севар Кейн.
Не исполнитель на месте.
Не человек, принимавший клятву у солдата.
Старший регистратор, через которого проходило сложное приложение.
Я достала из сумки синюю папку.
Зарнакс сразу заметил храмовую печать.
– Ваш документ?
– Да.
– Брачный?
Я посмотрела на него.
– Вы слишком много знаете.
– Вы жена Рейнара. Это не закрытая информация.
Жена.
Слово всё ещё царапало.
– Пока да.
Он ничего не спросил.
Я была ему благодарна второй раз за вечер.
Лист за листом.
Подпись.
Дата.
Приложение о поддержке.
И внизу регистрационная отметка, на которую я вчера смотрела и не придала значения.
Севар Кейн.
Я почувствовала, как холодеют пальцы.
Не шов.
Другое.
– Нашла, – сказала я.
Зарнакс подошёл.
На этот раз я не обращала внимания на расстояние.
Положила документы рядом.
Военный пакет.
Моя брачная клятва.
Двенадцать лет между ними.
Разные виды обязательств.
Разные люди.
Одно имя.
– Он участвовал в регистрации вашего брака? – спросил Зарнакс.
– Его отметка стоит на пакете сложного приложения.
– И здесь.
– Я вижу.
– Это совпадение?
Я подняла голову.
– Пока именно так и надо это называть.
Он прищурился.
– Даже после двойного стыка у той женщины?

– Даже после него.

– Почему?

– Потому что я мастер, а не гадалка. У нас есть похожий дефект. Есть одно регистрационное имя. Пока всё.

Зарнакс смотрел на меня так долго, что я начала раздражаться.

– Что?

– Ничего.

– Опять?

– Вы могли бы сказать, что нашли виновного.

– Могла бы. Тогда вам пришлось бы зря платить мне двадцать крон.

Он неожиданно улыбнулся.

Не широко.

На несколько секунд его лицо стало совсем другим.

Живым.

И я вдруг очень ясно поняла, что этот мужчина мне нравится внешне.

Не так, как нравится красивый портрет.

Именно мужчина.

Большой.

Усталый.

С неправильным носом.

С тёмными глазами, в которых при свете лампы появился тёплый оттенок.

Я отвернулась первой.

Гениально, Аврора.

Три дня назад муж объявил о другой женщине.

Сегодня ты сидишь в приграничной крепости и разглядываешь генерала, который считает половину жизни вопросом безопасности.

Может быть, завтра стоит попробовать что-нибудь совсем разумное.

Например, спрыгнуть со стены.

– Вам нужно отдохнуть, – сказал Зарнакс.

Я сразу напряглась.

Он заметил.

– Это тоже рекомендация.

– Вы быстро учитесь.

– Мне часто приходится.

Я закрыла папку.

Защитный шов неприятно потянул под рёбрами.

Да.

На сегодня хватит.

– Завтра я хочу увидеть первого человека.

– Увидите.

– И полный текст его клятвы.

– Будет.

– Без толпы наблюдателей.

– Сколько людей вам нужно?

– Сам человек. Я. При необходимости ваш мастер.

Зарнакс задумался.

– Я буду присутствовать.

– Зачем?

– Потому что отвечаю за него.

– А я отвечаю за процедуру.

– Значит, будем отвечать оба.

Я уже открыла рот спорить.

Потом закрыла.

На сегодня действительно хватит.

– Посмотрим завтра.

– Посмотрим.

Он собрал документы.

Я взяла свою синюю папку.

На пороге остановилась.

– Генерал.

– Да?

– Кто такой Севар Кейн сейчас?

Зарнакс посмотрел на две папки в своей руке.

– Старший регистратор клятв в центральной системе.

– Эйрен?

– Да.

Конечно.

Город, из которого я только что приехала.

Я почти рассмеялась.

– Что?

– Ничего. Просто последние дни у меня удивительный талант ездить туда, откуда только что уехала.

Зарнакс не улыбнулся.

– Пока не едьте.

Я замерла.

Вот оно.

Снова приказ.

Он, кажется, сам это понял.

Большой палец прошёл по костяшке.

– Формулирую иначе, – произнёс он. – Завтра посмотрите человека. Потом решите, куда вам ехать. Я думаю, у нас ещё будут документы, которые стоит сравнить.

Я посмотрела на него.

Это было лучше.

Не идеально.

Но лучше.

– Хорошо.

Я вышла в коридор.

Офицер ждал, чтобы проводить меня в гостевой корпус.

Я сделала несколько шагов и остановилась.

Севар Кейн.

Его имя стояло на моей брачной клятве.

Его имя стояло в документах людей Зарнакса.

Вчера двойной стык мог быть странностью.

Сегодня это уже было два разных человека, два разных вида обязательств и одно регистрационное звено.

Ещё не доказательство.

Но впервые у моей проблемы появилось направление.

И оно вело совсем не к Рейнару.

Глава 4. Не резать

Утром защитный шов пришлось подтянуть.

Я поняла это ещё до того, как открыла глаза.

Холод шёл тонкой полосой от точки привязки под рёбрами, а пальцы правой руки едва заметно дрожали.

Ничего страшного.

Именно это я повторила себе дважды, прежде чем сесть на кровати в гостевой комнате Карваля.

Комната была небольшая, военная и удивительно удобная. Кровать, шкаф, стол, умывальник, два стула. Никаких ковров, тяжёлых портьер и вещей, которые должны напоминать гостю, насколько богат хозяин дома.

У Карваля вообще не было хозяина.

Только командующий.

Эта мысль почему-то напомнила Зарнакса.

Я недовольно потёрла ладонью лицо.

Не хватало ещё начинать утро с генерала.

Лучше с собственного магического узла. Он хотя бы не задавал вопросов.

Я поставила коробку с инструментами на стол, открыла окно и впустила внутрь холодный осенний воздух.

Где-то во дворе уже звучали команды.

Карваль просыпался рано.

Или не засыпал вовсе.

Вдалеке коротко протрубил дракон. Ему ответил другой, гораздо дальше, со стороны посадочных площадок.

Я на несколько секунд замерла.

Раньше такие звуки всегда делили мой день на две части.

Рейнар дома.

Рейнар на службе.

Рейнар вернулся с крыла.

Теперь я была в крепости, которой он не командовал.

Это неожиданно помогало.

Я положила ладонь на бок и открыла профессиональное зрение.

Шов появился тонким сдерживающим кольцом вокруг чужого канала.

Моего канала.

Нет.

Я заставила себя поправить мысль.

Канал был привязан к моему источнику.

Но моим он не был.

Это имело значение.

Один участок действительно ослаб после дороги. Не лопнул, не раскрылся полностью, но натяжение стало неровным.

Я поправила его медленно.

Вложила немного силы.

Проверила второй участок.

Потом третий.

Когда закончила, дрожь в пальцах исчезла, но я чувствовала себя так, будто уже отработала половину дня.

Очень своевременно.

Сегодня мне предстояло обследовать чужой источник.

Я села и заставила себя съесть завтрак, который принесли из гарнизонной кухни.

Не хотелось.

Съела всё.

Если я собиралась снова быть мастером, следовало хотя бы иногда вести себя как человек, который понимает цену собственного резерва.

Через полчаса за мной пришли.

Не Зарнакс.

Молодой офицер из вчерашней приёмной.

– Генерал просил проводить вас в рабочую комнату, мастер Аврора.

– Он там?

– Да.

Я закрыла коробку.

– Тогда идём.

Рабочая комната оказалась в другом крыле крепости.

Не кабинет генерала.

Здесь всё было устроено для магических обследований: каменный стол, два обычных стула, высокий рабочий табурет, шкафы с расходными материалами, защитные пластины на стенах.

У окна стоял военный мастер связей, мужчина лет пятидесяти с очень недовольным выражением лица.

Зарнакс был рядом.

И ещё один человек.

Молодой офицер, примерно моего возраста в день свадьбы с Рейнаром. Может, чуть старше.

Нет.

Наверное, всё-таки ближе к тридцати.

Он был крепко сложен, темноволос, в форме без парадных знаков. Левая рука лежала на столе, правая сжималась и разжималась, словно пальцы затекли.

Когда я вошла, он выпрямился.

– Мастер Аврора?

– Да.

– Орден.

Он назвал имя просто, без звания.

Я поставила коробку на стол.

– Что именно вас беспокоит?

Орден посмотрел на Зарнакса.

Я сразу заметила.

Ничего драматического.

Один быстрый взгляд.

Но мне не понравилось.

– Меня спрашивайте, – сказала я.

Орден перевёл глаза на меня.

– Слабость после смен.

– Каких?

– Боевых и патрульных.

– Всегда?

– Последние два месяца.

– Что значит слабость?

Он немного помедлил.

– Будто источник не возвращается до нормального уровня. Иногда пальцы немеют. Иногда трудно удерживать простейшую защиту после службы.

Я вспомнила Тессу.

Другой случай.

Другой человек.

Но слово «немеют» мне не понравилось.

– Боль?

– Нет.

– Потеря сознания?

– Нет.

– Провалы памяти?

Он нахмурился.

– Нет.

– Хорошо.

Военный мастер возле окна кашлянул.

– Мы всё это уже проверяли.

Я посмотрела на него.

– Тогда сегодня проверим ещё раз.

– Разумеется.

По тону было ясно, что ничего разумеющегося здесь нет.

Зарнакс молчал.

Я достала документы.

Он вчера обещал полный пакет.

На стол легли три папки.

Не две.

Три.

Я подняла взгляд.

– Всё?

– Всё, что относится к обязательству Ордена, – ответил Зарнакс.

– Включая закрытые приложения?

– Включая.

Хорошо.

Я раскрыла первую папку.

Потом остановилась.

– Орден.

Он снова выпрямился.

– Да?

– Вам объяснили, что я буду делать?

– Осмотр связи.

– И что я могу остановиться, если увижу риск?

Он снова посмотрел на генерала.

Зарнакс сказал спокойно:

– Отвечайте мастеру, а не мне.

Орден помедлил.

– Да. Объяснили.

– Вы согласны на осмотр?

– Да.

Я посмотрела на Зарнакса.

Он выдержал взгляд.

Вчера я заставила его вписать это условие в договор.

Сегодня он действительно его выполнил.

Не просто подписал.

Запомнил.

Странно, насколько сильно может изменить отношение к человеку одна выполненная строка.

Я снова повернулась к Ордену.

– Тогда начинаем.

Служебная клятва Ордена была сложной.

Не невероятно.

Не такой, с какой мастер должен сидеть три дня, прежде чем решиться прикоснуться.

Но гораздо сложнее договора Тессы.

Основной контур удерживал обязательство секретности.

Отдельная ветвь закрепляла порядок выполнения боевых приказов в определённых условиях.

Ещё одна отвечала за взаимную магическую поддержку внутри подразделения.

Законные вещи.

Жёсткие.

Военные.

Но понятные.

Я шла по тексту строчка за строчкой.

Потом по структуре.

Потом снова возвращалась к тексту.

Военный мастер начал проявлять нетерпение примерно через двадцать минут.

– Повреждение здесь.

Он указал на боковую ветвь.

– Я вижу.

– Она отработанная. Можно снять.

– Можно.

Он чуть расслабился.

– Значит, снимаем.

– Я не сказала, что сейчас.

Раздражение вернулось.

– Мастер Аврора, этот участок больше не выполняет заявленную функцию.

– Я вижу.

– Он тянет резерв.

– Тоже вижу.

– Тогда в чём вопрос?

Я не ответила.

Потому что вопрос был.

Просто я пока не понимала какой.

Повреждённая ветвь действительно выглядела почти мёртвой.

Связь, которую можно было бы аккуратно отделить от действующего контура и закрыть.

И всё же каждый раз, когда я собиралась проследить её до конца, профессиональное зрение словно цеплялось за что-то ниже.

Не за саму ветвь.

Под ней.

Я наклонилась ближе.
Орден сидел неподвижно.
– Неприятно?
– Нет.
– Совсем?
– Немного тянет в плече.
– Это было раньше?
– Иногда.
Я перевела взгляд на документы.
В тексте этого участка не было ничего, что должно было уходить к плечу.
Я снова открыла зрение.
Красные линии проступили чётче.
Повреждённая ветвь.
Основной контур.
Точка окончания.
И...
Я перестала дышать.
Две линии.
Очень близко.
Одна поверх другой.
– Что? – спросил Зарнакс.
Я подняла руку.
Не ему.
Всем.
Тишина наступила сразу.
Я взяла проявляющую пластину.
Положила её над участком.
Теперь стало лучше видно.
Двойной стык.
Тот же дефект.
Нет.
Не совсем тот же.
У Тессы он был грубее.
Здесь спрятан глубже.
Но принцип один.
Старая точка подтверждения.
Новая привязка.
И новая привязка уходила не просто в повреждённую ветвь.
Она ныряла ниже.
К ещё одному условию.
– Где приложение к этой части? – спросила я.
Военный мастер подошёл ближе.
– Здесь полный пакет.
– Нет.
– Это все зарегистрированные условия.
– Тогда зарегистрированный текст не объясняет структуру.
Зарнакс подошёл к столу.
– Говорите проще.
Я указала на линию.

– Если я сейчас сниму очевидно повреждённый участок, вот эта часть пойдёт следом.

– Какая часть?

– Пока не знаю.

Военный мастер раздражённо выдохнул.

– Там нет отдельной части.

– Есть.

– В документе нет.

– В структуре есть.

Он наклонился над пластиной.

– Это может быть остаточное натяжение.

– Может.

– Или след старой боевой нагрузки.

– Может.

– Тогда почему мы останавливаемся?

Я посмотрела на него.

– Потому что «может» недостаточно, когда вы собираетесь резать чужой источник.

Он выпрямился.

– Я не говорил резать источник.

– А я говорю, что сейчас мы не знаем, что потянет за собой разрыв.

Орден молчал.

Слишком спокойно.

Как военный, который привык, что специалисты обсуждают его тело, пока он сидит рядом.

Мне это не понравилось.

Я повернулась к нему.

– Орден, вы понимаете, о чём мы спорим?

Он посмотрел на меня.

– Что повреждённый участок можно убрать, но вы считаете это опасным.

– Почему опасным?

Пауза.

– Потому что там что-то ещё.

– Именно.

Военный мастер нахмурился.

– Не нужно пугать офицера до того, как мы знаем, что видим.

– Тогда не нужно предлагать вмешательство до того, как мы знаем, что видим.

Зарнакс всё ещё молчал.

Я знала, что он торопится.

Не лично.

Карваль торопится.

Пять подозрительных случаев.

Люди теряют резерв.

Граница.

Служба.

Приказы.

Если одно быстрое движение могло вернуть офицера в строй, военная логика требовала сделать это движение.

Я слишком хорошо знала такую логику.

Рейнар тоже умел говорить о необходимости.

– Сколько времени нужно на проверку? – спросил Зарнакс.

– Не знаю.
– Час?
– Возможно.
– День?
– Возможно.
– Неделя?
– Возможно.
Военный мастер шумно выдохнул.
– Генерал, этот человек нужен в патруле.
– Я здесь, – сухо заметил Орден.
Первый раз за всё время в его голосе прозвучало раздражение.
Я посмотрела на него.
– Хотите вернуться в патруль?
– Конечно.
– Сегодня?
– Если можно.
– А если нельзя?
Он сжал правую руку.
– Тогда завтра.
Я чуть улыбнулась.
– Плохой пациент.
– Я не пациент.
– Ещё хуже.
Угол его рта дрогнул.
И сразу стало проще помнить, что на столе лежит не военный ресурс.
Человек.
Я снова посмотрела на линию.
Если отделить верхнюю ветвь...
Нет.
Не сегодня.
Может быть, я ошибалась.
Может быть, скрытый участок был безопасным остатком старой структуры.
Но если нет...
Я увидела, как привязка входит слишком близко к источнику Ордена.
Резкий разрыв мог дёрнуть весь узел.
Не убить.
Не взорвать комнату.
Просто повредить то, что потом очень долго придётся восстанавливать.
Иногда этого достаточно.
– Я не буду снимать участок, – сказала я.
Военный мастер повернулся ко мне.
– Вы серьёзно?
– Да.
– Вы сами сказали, что он тянет резерв.
– И продолжит тянуть до тех пор, пока мы не поймём второе крепление.
– Мы можем убрать явную проблему сейчас.
– А потом получить проблему, которую уже не вернём обратно.
Он повернулся к Зарнаксу.
– Генерал.

Вот теперь наступил настоящий момент.

Я почувствовала это почти физически.

Не магией.

Обычным человеческим опытом.

Военный мастер хотел решения.

Орден хотел вернуться в строй.

Зарнаксу нужен был действующий офицер.

А я стояла посреди чужой крепости, проработав мастером один полноценный день после многолетнего перерыва, и говорила всем троим:

нет.

Очень знакомое слово.

Всего четыре дня назад оно далось мне почти невозможно.

Теперь легче не стало.

Просто я уже знала, что могу его произнести.

– Мастер Аврора, – сказал Зарнакс, – вы уверены, что вмешательство опасно?

– Я уверена, что не могу доказать его безопасность.

– Это не одно и то же.

– Для меня одно.

Он смотрел прямо на меня.

– Объясните.

Я показала на проявляющую пластину.

– Здесь повреждённая ветвь. Её можно отделить. Здесь двойной стык. А под ним ещё одна привязка, которой нет в доступном мне тексте. Если я перережу верхний участок, неизвестное условие может остаться на месте.

– И что?

– Или потянуться следом.

– Последствия?

– От резкого оттока до повреждения источника. Точно сказать не могу.

– Вероятность?

– Не знаю.

– Даже примерно?

– Нет.

Зарнакс замолчал.

Вот это мне в нём не нравилось.

Он хотел цифру.

Результат.

Границу риска.

Мне хотелось дать.

Очень.

Хотелось выглядеть уверенной.

Компетентной.

Стоящей двадцати крон аванса и срочной дороги через половину Арденора.

Но настоящая профессиональная работа иногда состояла именно в словах:

я не знаю.

Я сглотнула.

– Если вам нужен мастер, который даст удобный процент, найдите другого.

Военный мастер вскинул голову.

– Это уже...

Зарнакс поднял руку.

Тот замолчал.

– Я не просил удобный процент.

– Вы хотите быстрый ответ.

– Да.

– У меня его нет.

– Тогда что у вас есть?

Я посмотрела на Ордена.

Потом на документы.

– Причина остановиться.

Несколько секунд никто не говорил.

Зарнакс повернулся к военному мастеру.

– Процедуру прекращаем.

– Генерал...

– Если мастер говорит остановиться, остановились.

Фраза прозвучала спокойно.

Без угрозы.

Но спор закончился.

Военный мастер сжал губы.

– Да, генерал.

Я не сразу поняла, что сама задержала дыхание.

Орден опустил плечи.

Не от облегчения.

Скорее от усталости.

– И что теперь? – спросил он.

Я закрыла профессиональное зрение.

– Теперь я выясняю, что именно спрятано под повреждённой ветвью.

– А до этого?

– Никакой тяжёлой магической нагрузки, если можно избежать.

Он посмотрел на Зарнакса.

Тот ответил раньше, чем я успела возмутиться очередному взгляду:

– Это уже моя часть. Мастер сказала, что нагрузку нужно снизить.

– На сколько?

– Спросите мастера.

Орден повернулся ко мне.

Маленькая вещь.

Почти незаметная.

Но Зарнакс мог просто приказать.

Вместо этого вернул решение туда, где оно должно было быть.

К специалисту.

– До выяснения структуры я бы сняла вас с задач, где источник работает на пределе, – сказала я.

Орден помрачнел.

– Совсем?

– Я не знаю вашей службы достаточно хорошо, чтобы решать, что вы можете делать без серьёзной магической нагрузки.

Зарнакс вмешался:

– Найдём работу.

Орден явно не обрадовался.

Но кивнул.

– Хорошо.

Я начала убирать инструменты.

Военный мастер не ушёл.

Стоял у стола и смотрел на пластину.

– Двойной стык, – произнёс он наконец.

Не вопрос.

– Да.

– Такой же, как в гражданском договоре, который вы привезли?

– Похожий.

– И в вашей брачной связи?

Я подняла голову.

Зарнакс не шевельнулся.

Вот значит как.

Он рассказал своему мастеру не всё, но достаточно.

Мне это не понравилось.

– О моей связи мы сейчас не говорим.

Военный мастер отвёл взгляд.

– Разумеется.

Зарнакс сказал:

– Это я сообщил ему о характере дефекта. Без деталей вашей клятвы.

Я защёлкнула коробку.

– В следующий раз предупреждайте.

– Принято.

Так просто.

Без «это было необходимо».

Без «не усложняйте».

Принято.

Я ненавидела, насколько сильно одно нормальное слово могло меня задеть.

Потому что дома даже простые границы приходилось объяснять по три раза.

Орден ушёл.

Военного мастера Зарнакс отправил искать старые копии приложений.

Мы остались вдвоём.

Я села обратно на стул.

И сразу пожалела.

Пока работала, держалась.

Теперь усталость накрыла резко.

Руки стали тяжёлыми.

На кончиках пальцев появилась мелкая дрожь.

Зарнакс заметил.

Конечно.

– Шов?

Я подняла глаза.

– Откуда вы...

– Вчера вы всё время держали руку у левого бока. Сегодня перестали. Сейчас начали снова.

Я опустила взгляд.

Моя ладонь действительно лежала на точке привязки.

– Наблюдательный.

– Работа такая.

– Опасная привычка.
– Иногда.
Он не спросил, что именно я себе поставила.
Не потребовал показать.
Вместо этого подошёл к двери.
Открыл.
– Принесите еду и горячий чай.
Я нахмурилась.
– Я не просила.
Зарнакс посмотрел через плечо.
– Могу отменить.
Вот зараза.
– Не надо.
– Хорошо.
Он закрыл дверь.
– И больше никого сюда сегодня.
Я уже хотела сказать, что сама решу, сколько работать.
Но остановилась.
Он не сказал мне прекратить.
Он убрал остальных.
Разница была небольшой.
И огромной.
– Спасибо.
Слово прозвучало неловко.
Зарнакс вернулся к столу.
– За что?
– За Ордена.
– Это моя работа.
– Нет.
Он поднял бровь.
– Ваша работа была вернуть офицера в строй.
– Моя работа не сломать его ради отчёта о возвращении в строй.
Я посмотрела на него внимательнее.
– Не все командиры так думают.
– Вы говорите о Рейнаре?
Вот теперь я напряглась.
– Я говорю в общем.
– Разумеется.
Сухой ответ.
Ни насмешки.
Ни попытки продолжить.
Я немного расслабилась.
– Вы действительно приняли моё решение без доказательства опасности.
– У меня было доказательство.
– Какое?
– Я нанял вас, потому что мои специалисты не понимали, что происходит.
Он сел напротив.
– Было бы странно пригласить мастера через весь Арденор, а потом игнорировать её заключение в тот момент, когда оно мне неудобно.

Я смотрела на него.

Слишком долго.

Он заметил.

– Что?

– Ничего.

– У вас это слово означает гораздо больше, чем у большинства людей.

– Возможно.

Я отвела взгляд.

У Рейнара тоже была привычка приглашать специалистов.

А потом соглашаться только тогда, когда специалист говорил то, что совпадало с его представлением о разумном.

Я не хотела сравнивать мужчин.

Особенно этих двоих.

Но сравнение возникло само.

И оказалось не в пользу человека, с которым я прожила двенадцать лет.

От этого стало больно.

Не романтически.

Глубже.

Как будто брак продолжал разрушаться даже после того, как я уже ушла.

Каждый новый человек мог случайно показать мне, чего в нём не было.

– Аврора.

Я подняла голову.

Зарнакс редко использовал моё имя без обращения.

Или мне показалось, что редко. Мы знали друг друга меньше суток.

– Вы побледнели.

– Устала.

– Тогда на сегодня достаточно.

Вот теперь я раздражённо прищурилась.

Он увидел.

Большой палец медленно прошёл по костяшке.

– Формулирую иначе, – сказал он.

Я не удержалась от улыбки.

– Слушаю.

– Я предлагаю закончить работу на сегодня. Если вы считаете, что способны безопасно продолжать, документы останутся здесь.

– Уже лучше.

– Я стараюсь.

– Заметно.

Наши взгляды встретились.

На этот раз я не отвернулась сразу.

И только через несколько секунд поняла, что происходит что-то странное.

Ничего.

Мы просто сидели по разные стороны стола.

Он был генерал.

Я была мастер, которую он нанял.

У меня был муж.

Пока ещё.

И всё же в этой тишине появилось что-то лишнее.

Очень маленькое.

Едва заметное.

Осознание мужчины напротив.

Его спокойствия.

Его рук на столе.

Тёмных глаз.

Я первой потянулась к документам.

– У нас есть ещё два подозрительных случая.

– Да.

– И Тесса.

– Да.

– И мой.

Зарнакс ничего не сказал.

– Получается минимум три структуры с двойным стыком, – продолжила я. – Моя, Тессы и Ордена.

– Плюс ещё два человека с похожими симптомами.

– Пока без подтверждения.

– Пока.

Я открыла запись Ордена.

– Разные люди.

– Да.

– Разные типы клятв.

– Да.

– Разные обстоятельства.

– Да.

– Но Севар Кейн появляется минимум в двух военных пакетах и в моей брачной документации.

Зарнакс перестал двигаться.

Не нахмурился.

Не начал ходить.

Просто застыл.

Я уже знала эту его манеру.

Он думал.

– Вы считаете его виновным? – спросил он.

– Я считаю, что его имя нужно проверять.

– Разница тонкая.

– Нет. Большая.

Он кивнул.

– Хорошо.

Я провела пальцем по краю бумаги.

– И ещё нужно найти документы Ордена до окончательной регистрации.

– Зачем?

– Если двойной стык возник при изменении уже подтверждённой структуры, промежуточные копии могут отличаться.

– Вы думаете, приложение подменили?

– Я думаю, что кто-то вмешивался.

– Это почти то же самое.

– Для суда нет.

Зарнакс посмотрел на меня.

– Вы уже думаете о суде.

Я чуть не рассмеялась.
– У меня муж блокирует доступ к собственной клятве. Приходится.
– Рейнар отказал?
Я замолчала.
Вот теперь разговор приблизился туда, куда я не хотела.
– Да.
Одно слово.
Зарнакс не стал задавать следующий вопрос.
Я была ему благодарна.
Опять.
Не хотелось привыкать.
Принесли еду.
Простую.
Горячий суп, хлеб, чай.
Я ела, а Зарнакс просматривал донесение.
Через несколько минут заметила:
– Вы сами когда-нибудь едите?
Он поднял взгляд.
– Иногда.
– Когда?
– Обычно между проблемами.
– Значит, редко.
– Вы приехали проверять мои пищевые привычки?
– Нет. Просто теперь понимаю, почему в Карвале столько лекарей.
Угол его рта дрогнул.
– У вас возвращается чувство юмора.
Я застыла.
Слишком точная фраза.
– Вы не знаете, какое оно у меня было.
Зарнакс спокойно выдержал мой взгляд.
– Верно.
И вернулся к бумаге.
Не стал делать вид, что знает меня.
Не сказал, что понимает, через что я прохожу.
Просто признал ошибку.
Почему это оказалось таким редким качеством?
Я допила чай.
– Завтра хочу посмотреть второго человека.
– Посмотрите.
– И старые регистрационные пакеты Ордена.
– Уже запросил.
Я подняла голову.
– Когда?
– Когда вы сказали, что структура не совпадает с текстом.
– До того, как мы закончили обследование?
– Да.
– А если я ошиблась?
– Тогда у нас будет лишняя папка.
Я улыбнулась.

На этот раз не удержалась.

– Очень трагические последствия.

– Переживём.

К вечеру я вернулась в гостевой корпус.

Шов снова пришлось проверить.

Он держался.

Но срок сокращался.

Я это чувствовала.

Дорога.

Работа.

Чужая структура.

Слишком много за два дня.

Я подтянула один участок и вовремя остановилась.

Не улучшать.

Не делать идеально.

Только удержать.

Мастер Ильмар когда-то говорил, что худшее желание уставшего специалиста - доказать самому себе, что он не устал.

Я закрыла инструменты.

Легла на кровать.

Перед глазами всё ещё стояла связь Ордена.

Двойной стык.

Скрытая привязка.

Его рука, сжимающаяся на столе.

А потом голос Зарнакса:

если мастер говорит остановиться, остановились.

Четыре дня назад моё «нет» воспринимали как временное эмоциональное состояние.

Сегодня человек, который командовал целой крепостью, услышал его один раз.

Я не собиралась делать из этого что-то большее.

Это была работа.

Профессиональное уважение.

Не более.

Но именно поэтому оно имело значение.

Я повернулась на бок и закрыла глаза.

Теперь у меня было три случая.

Мой.

Тессы.

Ордена.

Разные клятвы.

Разные годы.

Разные жизни.

И один и тот же след чужого вмешательства.

Совпадение закончилось.

Начиналась система.

Глава 5. Первый договор моей новой жизни

К седьмому дню моей новой жизни у меня было три кроны, заработанные самостоятельно, двадцать крон аванса от генерала Зарнакса, защитный шов, который требовал больше внимания, чем некоторые мужья, и всё ещё действующий брак.

Последнее особенно портило картину.

Я сидела за столом в гостевой комнате Карваля и перечитывала записку из Эйрена.

Ответ из Главного архива Свидетельства был вежлив.

Настолько вежлив, что хотелось смять бумагу.

Мой запрос зарегистрировали.

Для доступа к закрытой части брачного пакета требовалось либо согласие второго участника, либо основание Палаты обязательств.

Согласия второго участника у меня не было.

Сам второй участник, насколько я знала, продолжал считать происходящее моей временной обидой.

Я сложила письмо пополам.

Потом ещё раз.

Остановилась.

Развернула.

Выровняла края.

Ну конечно.

Если собственная жизнь не складывается, можно хотя бы складывать бумаги.

Под рёбрами неприятно потянуло.

Я положила ладонь на точку шва.

Он держался.

После вчерашней проверки лучше, чем утром, но первый защитный шов явно приближался к пределу своих возможностей. Я могла поддержать его ещё немного, но уже понимала цену.

Каждое такое вмешательство отнимало силу.

Не драматически.

Без обмороков и красивого падения на чьи-нибудь руки.

Я просто быстрее уставала.

Дольше восстанавливалась.

Приходилось заранее считать, сколько работы могу взять.

Очень полезный навык для женщины, которая двенадцать лет считала собственный резерв семейной мелочью.

В дверь постучали.

– Войдите.

Появился вчерашний молодой офицер.

– Мастер Аврора, генерал просит вас подойти.

– Сейчас?

– Если вам удобно.

Я приподняла бровь.

Он тоже услышал формулировку.

– Именно так и сказал?

– Почти.

– Что было вместо «если вам удобно»?

Офицер кашлянул.

– «Когда мастер будет готова».

Я улыбнулась.

– Уже прогресс.

Он явно решил не спрашивать, в чём именно.

Я убрала письмо из архива в папку и взяла коробку с инструментами.

– Орден сегодня будет?

– Нет. Его перевели на участок без тяжёлой магической нагрузки.

Я остановилась.

– Уже?

– Приказ генерала.

Это было правильно.

И всё равно слово «приказ» напомнило, что я нахожусь в месте, где Зарнакс мог одним распоряжением изменить человеку день, службу, комнату, направление движения.

Большая власть.

Я не любила большую власть.

Последние несколько дней вообще сильно испортили моё отношение к людям, которые считали, что знают, как будет лучше для окружающих.

Зарнакс ждал меня в своём кабинете.

На столе лежали бумаги.

Много.

Я посмотрела на них, потом на него.

– Если вы решили показать мне все документы Карваля, хочу предупредить, что двадцать крон уже не хватит.

– Доброе утро, мастер Аврора.

– И вам.

– Садитесь.

– Это приказ?

Он посмотрел на стул.

Потом на меня.

– Нет.

– Тогда сяду.

Я опустилась напротив.

Зарнакс подвинул первую папку.

– Это не документы по новому человеку.

– А что?

– Предложение.

Мне не понравилось слово.

Последний мужчина, который пришёл ко мне с готовым предложением, собирался развестись, жениться на другой и продолжать пользоваться моей силой.

Несправедливо переносить это на Зарнакса.

Поэтому я всего лишь насторожилась.

– Какое?

– Более длительная работа.

– Мы уже работаем.

– Сейчас у нас предварительное соглашение на несколько обследований и анализ документов.

– Да.

– Этого недостаточно.

Я не стала спорить.

После Ордена я и сама понимала.

Три случая с двойным стыком.

Ещё два человека с похожими симптомами.

Регистрационные материалы.

Севар Кейн.

Слишком много для разовой консультации.

– Чего вы хотите?

– Чтобы вы продолжили проверку повреждённых служебных клятв. Получили доступ к тем материалам, которые мы можем открыть. Осматривали людей, если это необходимо. Сопоставляли случаи.

– Сколько?

– Пока не станет понятно, с чем мы имеем дело.

– Это не срок.

– Поэтому договор расторгаемый.

Я посмотрела на него внимательнее.

– Любой стороной?

– Да.

– Без объяснения причин?

– С уведомлением.

– Сколько?

– Три дня.

Неплохо.

Очень неплохо.

Я раскрыла папку.

Размер оплаты был разумным.

Не состояние.

Не попытка купить меня целиком.

Оплата за время работы, отдельно за сложные обследования, дорогу и материалы. Первоначальный аванс засчитывался в оплату первых этапов.

Я мысленно прикинула.

Комната в Эйрене.

Еда.

Рабочие материалы.

Аренда маленького помещения.

У меня впервые за несколько дней появлялась возможность считать не дни до окончания денег, а хотя бы недели.

Это было настолько приятно, что сразу стало подозрительно.

Я читала дальше.

Доступ к делам.

Обязанность сохранять служебную тайну.

Понятно.

Право отказаться от опасного вмешательства.

Мы уже это обсуждали.

Согласие обследуемого.

Вчерашняя победа тоже осталась на месте.

И потом я дошла до пункта девять.

Прочитала один раз.

Потом второй.

Подняла взгляд.

Зарнакс ждал.

– Нет.

– Какой пункт?

– Девятый.

Он даже не посмотрел в бумагу.

Значит, знал.

– Что именно вас не устраивает?

– Всё предложение после слов «в целях обеспечения безопасности».

– Это широкая формулировка.

– Именно.

Я развернула документ к нему.

– «На период выполнения договора командование вправе определять место пребывания привлечённого специалиста, порядок его перемещения между объектами и необходимость сопровождения в интересах безопасности и сохранности закрытых сведений».

– Стандартная формулировка.

– Я уже слышала это слово.

– Какое?

– Стандартная.

Он замолчал.

Я снова прочитала пункт.

И почти услышала собственный внутренний голос, который говорил:

соглашайся.

В этом был смысл.

Если я работала с закрытыми военными документами, ограничения существовали неизбежно.

Карваль был пограничной крепостью.

Зарнакс отвечал за безопасность.

Сопровождение могло помочь.

Доступ организовали бы без моего участия.

Мне не пришлось бы самой решать, где остановиться, каким путём ехать, кого просить о пропуске.

Удобно.

Очень удобно.

И именно от этого стало особенно неприятно.

Я знала, как начинается жизнь, в которой другой человек постепенно решает всё больше бытовых вопросов просто потому, что ему это легче.

Сначала удобно.

Потом привычно.

Потом однажды обнаруживаешь, что собственная жизнь стала приложением к чужой.

– Убирайте.

Зарнакс нахмурился.

– Полностью?

– Да.

– Тогда я не могу гарантировать вам доступ к закрытым объектам.

– Не гарантируйте.

– Некоторые документы нельзя вынести за пределы крепости.

– Я и не прошу.

– Некоторых людей нельзя отправить в Эйрен.

– Тогда я приеду в Карваль.

– Если мы обнаружим угрозу вам лично?
– Сообщите.
– И всё?
– А что ещё?
– Я обеспечу охрану.
– Если соглашусь.
Он откинулся на спинку кресла.
– Вот в этом и проблема.
– В том, что я могу отказаться?
– В том, что иногда человек не способен оценить угрозу.
Я почувствовала, как что-то внутри мгновенно стало жёстким.
– А вы способны?
– Иногда да.
– Всегда?
Он не ответил.
– Вот и я о том же.
– Аврора, это не попытка контролировать вашу жизнь.
– Тогда договору незачем давать вам такое право.
– Я отвечаю за людей и сведения, к которым вы получите доступ.
– За сведения, да. За меня, нет.
– Пока вы работаете на военное командование...
– Я не поступаю к вам на службу.
Он сжал губы.
Очень немного.
Я уже знала: если Зарнакс действительно раздражён, громче он не становится.
Просто в голосе исчезает всё лишнее.
– Контракт гражданского специалиста всё равно требует режима безопасности.
– Тогда ограничьте режимом безопасности то, что действительно относится к работе.
– Например?
– Если я нахожусь в закрытой части Карваля, соблюдаю ваш порядок. Если работаю с закрытым документом, он остаётся там, где должен. Если конкретная поездка связана с делом и есть реальная угроза, мы отдельно согласуем сопровождение.
– А если у меня нет времени спрашивать вашего согласия?
– Тогда объясните, что происходит, и я приму решение быстро.
– Именно этого времени может не быть.
– Тогда принимайте решения о крепости. Не обо мне.
Тишина.
Я почувствовала знакомое желание отступить.
Не из страха.
Из привычки.
Он платил.
Он дал доступ.
Он позвал меня, когда никто другой не хотел даже выдавать мне собственный документ.
Двадцать крон аванса уже лежали у меня.
Без его материалов я могла месяцами искать связь между случаями.
Один пункт.
Всего один.
Не такой уж страшный.
Можно было подписать.

А если потом станет неудобно, договор расторгаемый.

Я почти услышала старую себя.

Не усложняй.

Он же хочет как лучше.

Это временно.

Подстройся.

Мне стало холодно.

Не из-за шва.

Я положила документ на стол.

– Нет.

Зарнакс посмотрел на меня.

– Вы уже это сказали.

– Теперь окончательно.

– Даже если из-за этого мы не договоримся?

Было больно признать, но я на секунду захотела соврать.

Сказать, что мне всё равно.

Мне было не всё равно.

Мне нужны были эти деньги.

Очень.

Нужны документы.

Работа.

Возможность снова стать мастером не только на словах.

И Зарнакс мне нравился.

Не как спаситель.

Не как возможный мужчина, об этом я старалась вообще не думать.

Мне нравилось работать рядом с человеком, который слушал профессиональный ответ, даже когда он был неудобным.

Поэтому отказ стоил дороже.

– Даже тогда.

Он провёл большим пальцем по костяшке.

Один раз.

– Почему?

Я могла ответить профессионально.

Слишком широкий пункт.

Неопределённые полномочия.

Отсутствие границ.

Вместо этого сказала правду:

– Потому что я только что вышла из дома, где очень долго позволяла другому человеку решать, что для меня разумно.

Зарнакс не шевельнулся.

Я продолжила тише:

– Не хочу выйти из одного такого порядка, чтобы добровольно подписать другой.

Несколько секунд он смотрел на меня.

– Я не Рейнар.

– Я знаю.

– И это не брак.

– Тогда тем более договор можно написать нормально.

Угол его рта едва заметно дрогнул.

Не улыбка.

Почти.

– Это была очень неприятная аргументация.

– Зато короткая.

– Не особенно.

Я неожиданно рассмеялась.

Совсем тихо.

Напряжение немного отпустило.

Зарнакс взял договор.

Зачеркнул весь девятый пункт.

Не демонстративно.

Не глядя на меня, будто совершает великий жест.

Просто перечеркнул.

– Новый вариант, – сказал он. – Специалист соблюдает установленный режим внутри закрытых объектов. Сопровождение и изменение маршрута вне них согласуются отдельно, кроме непосредственной угрозы внутри военного объекта.

Я задумалась.

– Что значит непосредственная угроза?

– Например, тревога в крепости.

– Тогда я подчиняюсь общему порядку крепости, как любой гражданский внутри стен.

– Разумно.

– И никаких распоряжений, где мне жить в Эйрене.

– Я не собирался выбирать вам жильё.

– Договор собирался.

Он посмотрел на зачёркнутый пункт.

– Договор иногда слишком уверен в себе.

– Вы нашли общий язык.

Теперь он всё-таки улыбнулся.

Очень коротко.

Я посмотрела на бумагу.

Потом на него.

– Добавьте, что основной рабочий адрес я определяю сама.

– Зачем?

– Чтобы через два месяца какой-нибудь особенно старательный чиновник не решил, что раз договор с Карвалем, то мастер обязана сидеть здесь постоянно.

– Вы плохо думаете о чиновниках.

– Я дважды за неделю была в архиве. Теперь имею право.

Он записал.

Я перечитала.

– Теперь подпишу.

– Вы ещё не дочитали последние три пункта.

Я замерла.

Он поднял бровь.

– После всего предыдущего было бы странно доверять мне на последних трёх строках.

Мне стало смешно.

И одновременно стыдно.

Потому что я действительно чуть не поставила подпись.

Не из доверия даже.

Из облегчения.

– Вы правы.

– Запомню этот день.
– Не увлекайтесь.
Я вернулась к тексту.
Дочитала всё.
Каждую строку.
Только потом поставила имя.
Аврора.
Подпись получилась ровной.
Зарнакс подписал следом.
Поставил служебную печать.
Подвинул один экземпляр мне.
Я взяла его в руки.
Обычная бумага.
Несколько листов.
Чернила.
Никакой магической торжественности.
И всё же внутри было странное чувство.
Это был первый договор за очень долгое время, который я заключила не как жена Рейнара.
Не потому, что мужу нужно.
Не потому, что семье удобно.
Мой.
За мою работу.
На условиях, которые я сама обсуждала.
Я провела пальцем по краю бумаги.
– Что?
Зарнакс смотрел на меня.
– Ничего.
– Опять ваше «ничего».
– Теперь хорошее.
Он не стал спрашивать.
После обеда мне принесли новый пакет документов.
Не три дела.
Девять.
– Вы издеваетесь? – спросила я.
Секретарь совершенно серьёзно ответил:
– Нет, мастер.
Жаль.
Я устроилась в рабочей комнате и начала сортировать.
Сначала только регистрационные данные.
Год.
Подразделение.
Тип клятвы.
Регистратор.
Наличие закрытого приложения.
Жалобы.
Двойной стык подтверждён или только предполагается.
Через час передо мной лежали три стопки.
Первый подтверждённый случай.

Второй.

Орден.

И ещё несколько, где требовался осмотр.

Я взяла старейшую из папок.

Семь лет назад.

Положила рядом более новую.

Четыре года.

Следующую.

Два года.

Я замерла.

До этого какая-то часть меня всё ещё думала об истории неправильно.

Будто всё началось где-то рядом со мной.

С моим браком.

С карьерой Рейнара.

С его желанием получать больше силы.

Даже Тесса казалась случайным ответвлением той же истории.

Но эти документы не помещались в такую удобную картину.

Семь лет.

Четыре.

Два.

Разные люди.

Разные подразделения.

Некоторые вообще никогда не служили рядом с Рейнаром.

Я разложила листы по датам.

Потом снова.

Профессиональная привычка.

Проверить порядок.

Не поверить первому впечатлению.

Семь лет назад повреждение обнаружили поздно, записали как последствие истощения после долгой службы.

Четыре года назад человек жаловался на плохое восстановление резерва.

Два года назад похожие симптомы сочли индивидуальной реакцией на усиленную служебную клятву.

Теперь Орден.

Я смотрела на даты.

Схема не появилась вчера.

И точно не появилась из-за моего развода.

В дверь постучали.

Зарнакс вошёл сам.

Без секретаря.

– Вы ещё работаете?

– Вы говорили, что документы останутся у меня.

– Я не говорил, что вы обязаны закончить их сегодня.

– Не обязана.

– Тогда почему не остановились?

Я показала на стол.

Он подошёл.

– Что?

– Годы.

Зарнакс посмотрел на папки.

– Объясните.

– Семь лет назад. Четыре. Два. Сейчас.

– И?

– Повреждения не относятся к одному периоду.

Он нахмурился.

– Мы это знали.

– Вы знали, что люди жаловались в разные годы. Вы не знали, что в этих делах может быть один тип вмешательства.

Он замолчал.

Я открыла старую папку.

– Здесь я пока не вижу структуру. Нет осмотра. Поэтому утверждать двойной стык нельзя.

– Но?

– Но симптомы похожи.

Вторая папка.

– Здесь регистрационный пакет проходил через тот же контур проверки сложных приложений.

Третья.

– Здесь тоже.

Зарнакс опёрся ладонями о стол.

– Севар Кейн?

– В двух есть его отметка.

– В остальных?

– Другие имена.

Он выпрямился.

– Значит, Кейн не единственный.

– Или не каждый документ требует его личной отметки.

– Вы защищаете его?

– Я защищаю факты от вас.

Его взгляд стал тяжёлым.

Я добавила:

– И от себя.

Через секунду напряжение ушло.

– Разумно.

Я посмотрела на самый старый документ.

Семь лет.

Это всё ещё было меньше двенадцати лет моего брака.

Значит, я пока не могла сказать, что схема старше моей клятвы.

Не могла сказать, что мой случай был первым.

Не могла сказать и обратное.

Пока только одно.

Это продолжалось годами.

– Зарнакс.

– Да?

– Вам нужно поднять все похожие жалобы хотя бы за несколько последних лет.

– Уже приказал.

Я подняла глаза.

– Когда?

– Вчера.
– Ещё до договора?
– Да.
– А если бы я сегодня отказалась?
– Тогда нашёл бы другого специалиста.
Почему-то ответ мне понравился.
Никаких красивых слов о том, что только я способна решить проблему.
Никакой избранности.
Работа существовала независимо от меня.
Я просто могла сделать её хорошо.
Это было гораздо надёжнее восхищения.
– Правильно.
– Рад получить одобрение.
– Не привыкайте.
Зарнакс посмотрел на папки.
– Сколько вам нужно времени?
– Чтобы просмотреть всё?
– Чтобы понять, что делать дальше.
– Несколько дней.
– В Карвале?
Вот оно.
Я подняла взгляд.
Он заметил.
– Это вопрос.
Я медленно улыбнулась.
– Хорошо учитесь, генерал.
– Иногда с третьего раза.
– Я завтра вернусь в Эйрен.
Он помолчал.
– Почему?
– Потому что у меня там жизнь.
Слова прозвучали неожиданно.
Жизнь.
Пока смешно было называть этим съёмную комнату, два сундука и несколько профессиональных инструментов.
Но это была она.
Моя.
– Мне нужен рабочий стол, – продолжила я. – Нормальный. Нужны материалы. Доступ к Палате мастеров связей. Клиенты. И суд.
Последнее слово испортило всё остальное.
Зарнакс не стал делать вид, что не заметил.
– Начинаете дело о разводе?
– Начну.
– Рейнар будет сопротивляться.
– Развод он сам хотел.
– Разводу, возможно, нет.
– А остальному да.
Мы оба знали, о чём речь.
О силе.

О скрытом приложении.

О возможности Рейнара продолжать считать мой источник полезным дополнением к своей службе.

– Вам нужна помощь с судом? – спросил Зарнакс.

Я сразу напряглась.

Он поднял ладонь.

– Вопрос.

– Нет.

– Хорошо.

– Во всяком случае пока.

– Тоже хорошо.

Мне захотелось спросить, почему он так легко принимает ответы, которые ему не нравятся.

Потом вспомнила вчерашнего Ордена.

Не легко.

Он просто принимал.

Это другое.

– Документы можно будет направлять в Эйрен? – спросила я.

– Часть копий.

– А закрытые?

– Придётся приезжать сюда или работать через специально выделенное помещение центрального военного управления.

– Не хочу работать внутри управления.

– Почему?

– Потому что хочу собственное место.

Он посмотрел на меня.

– Уже нашли?

– Пока нет.

– Тогда откуда уверенность?

Я сложила папки.

– Потому что сегодня впервые могу за него заплатить.

Тишина получилась неожиданно личной.

Зарнакс посмотрел на мой экземпляр договора, лежавший рядом.

– Аванс уже был.

– Аванс мог закончиться.

– Быстро.

– Вы давно снимали жильё в Эйрене?

– Никогда.

– Тогда не мешайте мне портить настроение ценами.

Он усмехнулся.

– Не буду.

Я написала хозяину лавки профессиональных принадлежностей в тот же вечер.

Коротко.

Ищу небольшое помещение в Старом Ремесленном квартале.

Не дорогое.

С хорошим светом.

Достаточно тихое для работы со связями.

Не требуется престижный адрес.

Желательно стол и возможность поставить шкаф.

Ответ пришёл через служебного курьера утром, уже перед моим отъездом.
Над лавкой пустовала маленькая комната, которой раньше пользовался переплётчик.
Окно во двор.
Отдельный вход с лестницы.
Стол нужно покупать.
Стены требуют ремонта.
Цена терпимая.
Я перечитала письмо.
Потом сумму.
Потом снова письмо.
Ещё неделю назад я бы спросила Рейнара, стоит ли брать.
Не потому, что он запрещал.
Потому что так было проще.
Он умел быстро решать.
Считать.
Сравнивать.
Определять, что разумно.
Я достала кошелёк.
Три кроны Тессы лежали отдельно.
Смешная привычка.
Я всё ещё не хотела смешивать их с остальными деньгами.
Первые.
Мои.
Я написала ответ.
«Оставьте помещение за мной до возвращения. Если состояние соответствует описанию, беру».
Потом остановилась.
Добавила:
«Залог внесу сразу».
Подписала.
Аврора.
Без имени мужа.
Без его звания.
Без объяснений, чья я жена.
Я сложила письмо.
Передала курьеру.
И только когда он ушёл, поняла, что стою и улыбаюсь.
Небольшая комната.
Пустая.
С плохими стенами и без стола.
Даже не мастерская пока.
Но впервые пространство будущего имело адрес, который выбрала я.
Перед самым отъездом Зарнакс принёс ещё одну папку.
Я посмотрела на неё с подозрением.
– Если там десять новых дел, я уеду без прощания.
– Одно.
– Уже лучше.
– Нашли старую жалобу по похожему истощению.
Я открыла.

Дата.

Шесть лет назад.

Другое подразделение.

Другой человек.

Другой тип служебной клятвы.

Я пролистала до регистрационной части.

Севара Кейна не было.

Но стоял тот же код закрытого контура проверки, который я уже видела в двух делах.

Пока просто код.

Ничего больше.

Я провела пальцем по строке.

– Это уже четыре разных года.

– Да.

– И минимум три разных типа обязательств.

– Да.

– Тогда дело не в одном неправильном договоре.

Зарнакс ничего не сказал.

Мне тоже больше нечего было добавлять.

До сих пор я искала объяснение собственной ловушке.

Почему в моей брачной клятве появилось условие, которого я не принимала.

Теперь передо мной лежала другая проблема.

Гораздо хуже.

Кто-то годами вмешивался в чужие обязательства.

Не один раз.

Не для одного человека.

И если бы Рейнар не решил развестись со мной, внешнюю печать нашей клятвы могли бы не раскрыть ещё много лет.

Я закрыла папку.

– Копию этой страницы можно взять?

– Да.

Зарнакс протянул её мне.

Я убрала лист в свою папку.

Сверху лег новый договор.

Под ним копия моей брачной клятвы.

Ещё ниже документы чужих людей.

Странная новая жизнь.

Но впервые после слов Рейнара о разводе я не чувствовала себя человеком, которого просто выбросило из собственной истории.

Теперь у меня была работа.

Деньги.

Договор, который я подписала на своих условиях.

Будущая мастерская.

И вопрос, который становился больше с каждым найденным документом.

Я приехала в Карваль искать подтверждение одному странному дефекту.

Уезжала с пониманием:

это происходило годами.

Кто-то строил эту систему задолго до того, как я заметила, что живу внутри неё.

Глава 6. Мастерская

Моя мастерская начиналась с чужого стола, треснувшей стены и окна, которое не закрывалось до конца.

Мне понравилось сразу.

Я стояла посреди небольшой комнаты над лавкой профессиональных принадлежностей и смотрела на солнечную полосу на полу.

Пол был старый.

Стены действительно требовали ремонта.

В углу оставались тёмные следы от шкафа прежнего хозяина, переплётчика, который перебрался ближе к книжному рынку.

Стол оказался массивным и поцарапанным. Судя по отметинам, здесь резали кожу, картон и, возможно, собственное терпение.

Но окно выходило во двор.

Света хватало.

Дверь запиралась.

А на ней можно было повесить табличку.

Мою.

Этого оказалось достаточно.

– Берёте? – спросил хозяин лавки.

Он стоял у двери, скрестив руки на животе.

– Беру.

– Даже окно?

– Окно починим.

– Стену?

– Переживём.

– Стол?

Я провела ладонью по столешнице.

– Оставлю.

– Он тяжёлый.

– Ещё один довод не таскать его вниз.

Хозяин фыркнул.

Я достала кошелёк.

Вот эта часть нравилась меньше.

Аренда.

Залог.

Материалы.

Новые зажимы.

Проявляющие пластины.

Контрольные нити.

Средство для очистки инструментов.

Небольшой шкаф нужно было покупать отдельно.

До замужества я знала цену каждой рабочей мелочи.

Потом постепенно перестала.

Если требовалось что-то для дома, я заказывала.

Если для редкой профессиональной работы, тоже.

Деньги были общими.

Доход Рейнара стабильным.

Мои расходы почти всегда настолько меньше его служебных, что я перестала считать их серьёзными.

Теперь каждая крона снова приобрела вес.

И это было полезно.

Неприятно, но полезно.

Я отсчитала деньги.

Хозяин принял их без комментариев.

– Ключ один.

– Сделаю второй.

– Печь общая на этаж. Зимой понадобится доплачивать за отопление.

Я поморщилась.

– Спасибо, что решили испортить мне настроение сразу.

– Потом было бы дороже.

– Это очень ремесленный подход к утешению.

– Зато честный.

Он ушёл.

Я осталась одна.

Положила ключ на стол.

Села.

Посидела несколько секунд.

Всё.

Мастерская.

Конечно, пока это громкое название.

В комнате не было даже шкафа.

На столе стояла моя отцовская коробка с инструментами.

У стены лежали две связки материалов.

В углу ждала метла.

Но место было моим.

Не подаренным.

Не выделенным жене командора.

Не временной комнатой генерала в Карвале.

Я сама нашла его.

Сама заплатила.

Сама могла закрыть дверь.

Эта последняя мысль неожиданно оказалась важнее всего.

Я встала.

Открыла окно.

Оно застряло на половине.

– Прекрасно.

Пришлось надавить плечом.

Рама поддалась с таким звуком, будто я сломала ей что-то важное.

Во двор ворвался прохладный воздух Старого Ремесленного квартала.

Снизу пахло деревом, горячим металлом, клеем и выпечкой из соседней лавки.

Кто-то спорил о цене серебра.

Где-то стучал молоток.

Всё было живым.

Рабочим.

Я взяла метлу.

Через два часа поняла, что открытие мастерской гораздо меньше похоже на торжественное начало новой жизни и гораздо больше на борьбу с пылью.

Зато пыль проигрывала.

Первого клиента в собственном помещении я приняла после полудня.

Не Тессу.

Она прислала знакомого.

Мужчину лет пятидесяти, который держал небольшую мастерскую защитных замков.

Он вошёл осторожно, оглядел пустые стены и спросил:

– Вы только открылись?

Я посмотрела на единственный прилично устроенный рабочий угол.

– Настолько заметно?

– Пока да.

– Через месяц буду утверждать, что это строгий профессиональный стиль.

Он рассмеялся.

Напряжение исчезло.

Хороший знак.

– Что случилось?

Мужчина достал папку.

– Договор с бывшим партнёром.

Я сразу посмотрела на документы.

– Бывшим деловым?

– Именно. Ничего интересного.

– Для мастера связей деловой договор иногда интереснее брачного.

Слова вырвались сами.

Я замерла.

Он, к счастью, не заметил ничего особенного.

– Мы закрыли дело два месяца назад. Деньги разделили. Обязательства тоже. Но после окончательного расчёта осталась неприятная тяжесть вот здесь.

Он коснулся основания шеи.

– Когда усиливается?

– Если пытаюсь ставить сложную защиту.

– Документы полные?

– Всё, что подписывали.

Вот оно.

То, чего не было у меня.

Я открыла папку.

Сначала прочитала договор.

Потом дополнительное соглашение.

Потом акт прекращения партнёрства.

Чётко.

Скучно.

Прекрасно.

Нормальная клятва была удивительно приятной вещью, когда несколько дней подряд смотришь на чужие нарушения.

Я попросила разрешения на осмотр.

Получила.

Открыла профессиональное зрение.

Красные линии проступили спокойно.

Никаких скрытых ответвлений.

Никаких странных стыков.

Основной деловой контур уже погас.

Одна вспомогательная петля действительно не закрылась полностью и продолжала цепляться за источник.

Причина была ясна.

В акте прекращения стояла правильная формулировка.

Структура совпадала с текстом.

Я знала, что именно должно остаться после вмешательства.

Вот почему эта работа была безопасной.

Я сняла зажим.

– Сейчас будет неприятно.

– Насколько?

– Примерно настолько, насколько бывает неприятно резко потянуть волос.

– Переживу.

– Все так говорят до того, как тянут волос.

Он усмехнулся.

Я аккуратно ослабила остаточное крепление.

Петля дрогнула.

Отделилась.

Основная структура осталась ровной.

Я проверила ещё раз.

Потом закрыла зрение.

– Попробуйте простую защиту.

Мужчина поднял руку.

На пальцах коротко вспыхнула светлая дуга.

Он замер.

Пошевелил плечами.

– Не тянет.

– Хорошо.

– И всё?

– А вы хотели церемонию?

– За такую цену можно было хотя бы ударить в колокол.

Я улыбнулась.

– Колокол куплю после шкафа.

Он заплатил.

На этот раз я не смотрела на деньги так долго, как на первые три кроны.

Но удовольствие никуда не делось.

Я записала работу.

Стоимость материалов.

Время.

Оплату.

Остаток.

Собственная практика внезапно оказалась очень материальной.

Мало было уметь чинить магические связи.

Нужно было покупать нити.

Менять пластины.

Платить аренду.

Следить, сколько времени занимает диагностика.

Помнить, что час моей работы тоже стоит денег.

Последнее давалось хуже всего.

До вечера пришла ещё одна женщина.

У неё проблема оказалась совсем обычной.

Старая семейная клятва о совместном владении лавкой после смерти одного из участников начала мешать новому договору наследования.

Документы были в порядке.

Условия понятны.

Мне даже не пришлось вмешиваться сразу.

Я объяснила, какой акт нужно сначала оформить, и отправила клиентку в Храм Свидетельства.

Она удивилась.

– То есть вы ничего не будете делать?

– Пока нет.

– Но я же пришла к мастеру.

– Именно поэтому.

– А деньги?

– За диагностику.

Я назвала сумму.

Она заплатила.

Ушла довольная.

А я несколько секунд сидела и смотрела на закрытую дверь.

Когда-то мне казалось, что хороший мастер обязательно должен что-нибудь исправить руками.

Теперь вспомнила то, чему учил Ильмар:

иногда лучшая работа мастера состоит в том, чтобы не трогать исправную связь.

Я записала второй приём.

На полке уже лежали две папки.

Мало.

Но это были мои клиенты.

Не люди Рейнара.

Не люди Зарнакса.

Просто люди, которым понадобился мастер.

Я вдруг почувствовала такую радость, что захотелось пройтись по комнате.

Я прошлась.

Поправила бумаги.

Переставила чашку.

Потом рассмеялась сама над собой.

Некоторые привычки переживают любые разводы.

Зарнакс появился на следующий час без предупреждения.

Я услышала шаги на лестнице.

Тяжёлые.

Уверенные.

Потом стук.

– Войдите.

Дверь открылась.

Генерал остановился на пороге.

В гражданском квартале он выглядел ещё крупнее.

Военная форма здесь слишком резко отличалась от фартуков, рабочих курток и испачканных краской рукавов людей за окнами.

Я посмотрела на него.

Потом на дверь.

– Вы нашли меня.

– Адрес был в договоре.

– Проверяли, не сбежал ли ваш специалист?

– Приехал по делам центрального управления.

Разумно.

Хорошо.

Мне почему-то понравилось, что он не пересёк Арденор только ради того, чтобы посмотреть на мои стены.

– И решили проверить, действительно ли существует мой рабочий адрес.

Он оглядел комнату.

Трещину.

Пустой угол.

Старый стол.

Единственный шкафчик, который мне успели принести.

– Существует.

– Впечатлены?

– Окном.

Я посмотрела туда.

Рама всё ещё закрывалась с третьего раза.

– Оно характерное.

– Заметил.

– Если хотите сказать что-нибудь о безопасности, лучше сразу уходите.

Зарнакс перевёл взгляд на меня.

– Хотел спросить, есть ли здесь второй выход.

Я закрыла глаза.

– Генерал.

– Я только спросил.

– Нет.

– Хорошо.

– И вы сейчас не будете объяснять, почему это плохо.

– Не буду.

Я открыла глаза.

Он стоял совершенно серьёзный.

– Вам тяжело.

– Что?

– Не давать советы.

– Очень.

Я рассмеялась.

– Проходите.

Он вошёл.

И сразу стало понятно то, чего я не замечала весь день.

Помещение действительно маленькое.

В Карвале Зарнакс был частью пространства.

Здесь пространство внезапно стало вынуждено учитывать Зарнакса.

Он снял перчатки.

Положил их на край стола.

Не одну поверх другой.

Рядом.

Я задержала взгляд.

Дурацкая деталь.

Совершенно дурацкая.

И всё же в груди неприятно кольнуло.

Рейнар.

Его перчатки.

Наш дом.

Я отвернулась к чайнику.

– Чай будете?

– Если вы сами собирались пить.

– Очень дипломатичный ответ.

– Учусь.

Я налила две чашки.

Зарнакс сел на единственный стул для клиента.

Я осталась за рабочим столом.

Странное изменение.

В Карвале я сидела напротив его большого стола.

На его территории.

По его пропуску.

Под его стенами.

Здесь он сидел на моём старом стуле и держал чашку, которую я купила утром за несколько медяков.

Мне понравилось.

Слишком сильно.

– Как первый день? – спросил он.

– Два клиента.

– Уже?

– Один по рекомендации Тессы.

– Справились?

Я посмотрела на него.

– Нет. Одного случайно прокляла, второго превратила в стул.

Он задумался.

– Этот стул?

Я не выдержала.

– Очень смешно.

– Я стараюсь.

– Оба случая нормальные.

Я подала ему одну из папок.

– Настоящие документы. Понятный текст. Структура соответствует. В первом случае сняла остаточную петлю. Во втором вообще не трогала связь, сначала нужно юридически оформить изменение.

– И это всё?

– Для клиента да.

– Для вас?

Я замерла.

Хороший вопрос.

– Для меня это доказательство, что я не разучилась работать.

Зарнакс ничего не сказал несколько секунд.

– Я и не думал, что разучились.
– Вы знали меня два дня назад.
– Я видел, как вы остановили работу с Орденом.
– Это проще, чем правильно закончить.
– Не всегда.
Мне захотелось возразить.
Не стала.
– Вы привезли документы?
Он поставил чашку.
– Несколько копий.
Из внутренней папки появились бумаги.
– По старым жалобам?
– Часть.
– Закрытые?
– Нет. Те вы не можете держать здесь.
– Разумно.
– Я рад.
– Не привыкайте.
Он протянул первую папку.
Я открыла.
Семь лет назад.
Четыре.
Два.
Знакомые даты.
Плюс два новых случая.
Я читала регистрационные строки.
Зарнакс молчал.
Через некоторое время я почувствовала его взгляд.
– Что?
– Ничего.
– У вас это плохо получается.
– Что именно?
– Ничего не говорить.
– Обычно мне говорят обратное.
– Обычно люди боятся, что вы начнёте приказывать.
– А вы?
Я подняла глаза.
– Уже меньше.
Он чуть замер.
Я поняла, что сказала.
Слишком честно.
В комнате стало тихо.
С улицы донёсся звон металла.
Кто-то внизу рассмеялся.
Зарнакс медленно опустил взгляд к документам.
– Это хорошо.
Всего два слова.
И почему-то именно поэтому я почувствовала себя ещё более неловко.
Я снова начала читать.

Лучший способ пережить эмоцию - заняться практической задачей.

Старая Аврора одобряет.

Новая пока не придумала лучшего.

Через полчаса Зарнакс ушёл.

Не потому, что разговор закончился.

Его ждали в Центральном военном управлении.

Перед дверью он остановился.

– Я вернусь в Карваль завтра утром.

– Хорошей дороги.

– Следующие закрытые пакеты передадут туда.

– Я приеду, когда потребуется обследование.

Он посмотрел на стол.

– Не слишком много сразу.

Я прищурилась.

– Это что?

– Наблюдение.

– Очень похоже на совет.

– Тогда забудьте.

– Уже.

Он усмехнулся.

– До встречи, мастер Аврора.

– До встречи, генерал.

Дверь закрылась.

Я ещё несколько секунд смотрела на неё.

Потом на две чашки.

Потом убрала его.

Именно чашку.

Не мужчину.

Хотя с мужчиной тоже следовало бы разобраться позже.

Намного позже.

Желательно после развода.

Я вернулась к документам.

Последняя клиентка дня пришла почти перед закрытием.

Я уже собиралась убирать инструменты.

Она извинилась три раза и сказала, что может прийти завтра.

Я посмотрела на часы.

Потом на собственный резерв.

Шов держался.

Усталость была обычной.

– Покажите документы.

Женщина облегчённо выдохнула.

Случай оказался простым.

Старая клятва аренды общего торгового места. Договор уже прекращён. Один защитный ограничитель продолжал реагировать на попытки заключить новый.

Она принесла полный пакет.

Всё.

Даже первоначальную квитанцию о регистрации.

– Я храню бумаги, – немного смущённо сказала она.

– Никогда не извиняйтесь перед мастером за полные документы.

Работать было легко.

Не физически.

Скорее спокойно.

Я знала текст.

Видела структуру.

Понимала, где повреждение.

Сняла остаточный узел.

Проверила.

Готово.

Женщина улыбалась так счастливо, будто я вернула ей не возможность подписать новую аренду, а молодость.

– Сколько?

Я назвала сумму.

Она начала собирать бумаги.

И тут я увидела регистрационную отметку.

Не повреждение.

Не двойной стык.

Обычный штамп проверки.

Я взяла лист.

– Подождите.

Женщина остановилась.

– Что-то не так?

– Нет. С самой клятвой всё нормально.

Я посмотрела внимательнее.

Севар Кейн.

Имя стояло в нижней части старого приложения.

Не как человек, который принимал подписи.

Как старший регистратор, проверивший сложное дополнение перед окончательной печатью.

Я почувствовала знакомое напряжение.

– Вы знаете этого человека?

– Кого?

Я показала.

Она прочитала.

– Нет.

– Никогда с ним не встречались?

– Я вообще не помню, кто там оформлял. Это было много лет назад.

– Сколько?

Она назвала год.

Я быстро посчитала.

Пять лет.

Обычный гражданский договор.

Никакой армии.

Никакого Карваля.

Никакой служебной тайны.

И Севар Кейн.

– Мастер?

Я подняла голову.

Женщина уже беспокоилась.

– С вашим договором всё в порядке.

Это было важно сказать сразу.

– Точно?

– Точно. Я проверила текст и структуру. Они совпадают.

Она расслабилась.

– Тогда почему вы так смотрите?

Потому что имя человека, связанного с моей брачной клятвой и несколькими повреждёнными военными договорами, только что появилось в совершенно нормальном гражданском документе.

Но это было не её дело.

Пока не её.

– Профессиональная привычка.

Я вернула лист.

Она ушла.

Я закрыла дверь.

Вернулась к столу.

Передо мной лежали копии военных материалов Зарнакса.

Я открыла свою синюю папку.

Потом записала имя с гражданского документа на отдельном листе.

Севар Кейн.

Брачное сложное приложение.

Военные служебные клятвы.

Обычный гражданский договор.

Я смотрела на три строки и понимала одну неприятную вещь.

Имя не доказывало вины.

Наоборот.

Если Кейн много лет работал старшим регистратором сложных приложений, он мог совершенно законно появляться в сотнях документов.

В тысячах.

Значит, простого совпадения имени было мало.

Намного мало.

Но теперь подозрительное регистрационное звено выходило за пределы армии.

За пределы моего брака.

Я оглядела мастерскую.

Пустые стены.

Старый стол.

Отцовская коробка.

Три оплаченных записи первого дня.

Утром эта комната была доказательством, что у меня начинается собственная жизнь.

К вечеру она стала ещё кое-чем.

Местом, куда люди сами приносили мне свои документы.

Не военные архивы.

Не закрытые дела.

Обычную жизнь.

И, возможно, именно здесь я могла увидеть то, чего не замечали учреждения, потому что каждое из них смотрело только на свою часть.

Я записала под именем ещё одну строку.

«Проверить, в каких типах гражданских договоров встречается его регистрационная отметка».

Потом закрыла папку.

На сегодня хватит.

По крайней мере, я так решила.

А через минуту внизу снова звякнул колокольчик лавки.

И хозяин крикнул с лестницы:

– Мастер Аврора, к вам ещё клиент!

Я посмотрела на часы.

Потом на дверь.

Потом на деньги, аккуратно сложенные в ящике.

И улыбнулась.

– Завтра!

Первый раз в жизни я отказалась от работы не потому, что должна была заниматься делами мужа.

Просто рабочий день закончился.

И это тоже было свободой.

Глава 7. Первая цена успеха

На одиннадцатый день после несостоявшегося развода я обнаружила, что свобода тоже умеет превращаться в обязанность.

Особенно если очень боишься её потерять.

На столе лежали четыре записи на сегодня.

Пятая стояла на завтра утром.

Шестую я собиралась принять вечером, хотя ещё два дня назад торжественно отправила позднего клиента домой со словами, что рабочий день закончен.

Принцип оказался прекрасным.

Продержался недолго.

Я сидела в мастерской с чашкой уже холодного чая и считала деньги.

Аренда оплачена.

Залог тоже.

Материалы съедали больше, чем хотелось.

Нужен второй комплект зажимов.

Проявляющая пластина, которой я пользовалась ещё до брака, начала мутнеть по краю.

Шкаф обошёлся дороже, чем обещал хозяин лавки, потому что приличная дверца почему-то считалась дополнительной роскошью.

Ещё нужно было оставить деньги на комнату, еду, дорогу до Карваля и обратно.

А главное, не считать двадцать крон Зарнакса постоянным доходом.

Военный договор был хорош.

Но оставался одним договором.

Я хотела клиентов.

Своих.

Много.

Настолько много, чтобы никто никогда не мог сказать, что мастер Аврора существует только потому, что генерал пограничной крепости решил дать работу жене своего противника.

Я закрыла счётную тетрадь.

Под рёбрами кольнуло холодом.

Я автоматически положила ладонь на бок.

Шов.

Последнюю полноценную проверку я делала вчера вечером.

Он держался.

Должен был держаться ещё.

Я выпрямилась.

Через несколько минут придёт первый клиент.

После него второй.

Потом короткий перерыв.

Потом ещё двое.

Ничего особенного.

Я справлюсь.

Слова прозвучали внутри слишком знакомо.

Я не стала анализировать почему.

Первым пришёл пожилой мастер-ювелир.

У него повреждение оказалось небольшим.

Старая клятва с учеником должна была прекратиться после завершения срока обучения, но одна тонкая нить обязательства всё ещё удерживала часть профессиональной защиты.

Документы были полные.

Работа ясная.

Я справилась за сорок минут.

Второй клиент занял почти полтора часа.

Молодая женщина принесла семейный договор о совместном владении двумя мастерскими. После смерти её отца часть обязательств перешла наследникам, но один раздел остался привязан к прежнему источнику и теперь мешал новым соглашениям.

Снова настоящие документы.

Снова понятная структура.

Снова безопасное решение.

Профессиональное зрение включилось сразу.

Руки слушались.

Я почти не устала.

Вот только когда закончила, в пальцах появилась лёгкая дрожь.

Я сжала их.

Разжала.

Прошла.

– Всё? – спросила клиентка.

– Всё.

Она смотрела на структуру, которую сама видеть не могла, и всё равно улыбалась.

– Я два месяца ходила по чиновникам.

– Чиновники не чинят связи.

– Они очень убедительно объясняли, почему это не их дело.

– Здесь у них большой опыт.

Женщина рассмеялась.

Заплатила.

Ушла.

Я записала сумму.

И почувствовала то же тёплое удовлетворение, которое приходило после каждого правильно законченного дела.

Я могу.

Снова могу.

Это чувство становилось опасно приятным.

Когда-то оно было обычным.

Потом исчезло настолько незаметно, что я не сразу поняла, чего именно мне не хватает.

Теперь каждое «спасибо» клиента будто возвращало маленький кусок прежней меня.

Значит, нужно было работать.

Практиковаться.

Зарабатывать.

Возвращать всё быстрее.

Очень логично.

Я налила себе свежего чая.

Поесть решила после третьего клиента.

Третий клиент опоздал.

Четвёртый пришёл раньше.

В какой-то момент они оба сидели на лестнице перед мастерской.

Я извинилась.

Открыла окно.

Закрыла окно, потому что стало холодно.

Проверила бумаги.
Поставила чайник.
Забыла о чайнике.
Чайник выкипел наполовину.
После третьего клиента я должна была сделать перерыв.
Я помнила.
Просто четвёртая работа выглядела очень простой.
Пожилой мужчина принёс договор на обслуживание склада.
Три страницы текста.
Никаких сложных приложений.
Повреждение лежало почти на поверхности.
– Десять минут, – сказала я.
Мужчина обрадовался.
Я тоже.
Через двадцать минут поняла, что ошиблась.
Не в структуре.
В себе.
Красная линия перед глазами вдруг поплыла.
Я моргнула.
Вернулась.
Нет.
Профессиональное зрение дрогнуло снова.
Я отпустила поток.
Комната стала обычной.
Стол.
Папка.
Ожидающий клиент.
– Что-то не так?
– Нет.
Слово вылетело быстрее мысли.
Я потянулась к чашке.
Пальцы мелко дрожали.
Вот теперь я посмотрела на них по-настоящему.
Холод под рёбрами усилился.
Не резко.
Не опасно.
Пока.
Но защитный шов явно сообщал мне то, что я не хотела слышать.
Хватит.
Я сидела молча.
Мужчина напротив начал беспокоиться.
– Мастер?
– Мне нужен перерыв.
– Конечно.
Он поднялся.
– Минут десять?
Я посмотрела на документы.
Простая работа.
Я могла закончить.

Нужно было всего лишь снова открыть зрение, снять повреждённый остаток, проверить крепление.

Пятнадцать минут.

Двадцать максимум.

Я уже взяла деньги за диагностику.

И очень хотела взять оплату за работу.

Не потому, что мужчина давил.

Он вообще стоял и терпеливо ждал.

Потому что я сама хотела доказать, что ничего не изменилось.

Что мне не требуется отдых после нескольких обычных заказов.

Что семь лет почти без полноценной практики можно наверстать за неделю.

Что источник справится.

Что шов не будет управлять моей жизнью.

Я закрыла папку.

– Нет.

Мужчина моргнул.

– Простите?

– Я сегодня не продолжу.

Мне пришлось сказать это ещё раз, чтобы самой поверить.

– Работа безопасная. С документами всё в порядке. Но мне не хватает концентрации.

– Я могу подождать.

Вот оно.

Идеальное искушение.

– Не надо.

– До вечера?

– До завтра.

Он посмотрел на часы.

Потом на меня.

– Я специально закрыл лавку.

Стыд пришёл мгновенно.

Вот теперь старая Аврора подняла голову во весь рост.

Человек потратил время.

Пришёл.

Ждал.

Я обещала.

Как можно подвести?

– Я понимаю.

– Мне нужен договор к утру.

– Тогда лучше дать вам имя другого мастера.

Сказать это оказалось ещё тяжелее.

Отдать работу.

Деньги.

Клиента.

Потому что я не справилась с собственным графиком.

Мужчина нахмурился.

– Вы не хотите работать?

Я почувствовала, как лицо становится горячим.

– Хочу. Поэтому и останавливаюсь.

Он явно не понял.

Пришлось объяснить:

– Для вашей связи нужна точность. Сейчас я устала больше, чем рассчитывала. Если продолжу только потому, что неудобно отменять, риск ошибки будет вашим. Не моим.

Это подействовало.

Он посмотрел на папку.

– А завтра сможете?

– Если вам подходит время после полудня.

– Подходит.

– Тогда за сегодняшний осмотр платить не нужно.

– Но вы уже посмотрели.

– Я переношу работу по своей причине.

Он медленно кивнул.

– Хорошо.

Я записала новое время.

Проводила его.

Закрыла дверь.

Прислонилась к ней спиной.

И только тогда поняла, насколько устала.

На лестнице ждал ещё один клиент.

Я забыла о нём.

Женщина поднялась со стула, когда я вышла.

– Мастер Аврора?

– Да.

– У меня на три часа.

Я посмотрела на часы.

Разумеется.

Три часа.

Я могла принять её.

Просто посмотреть документы.

Диагностика иногда почти не требовала магии.

А если случай окажется простым...

Нет.

Я уже знала, куда ведёт это «если».

– Простите, сегодня не смогу.

Женщина растерялась.

– Но я записывалась два дня назад.

– Я знаю.

– Мне ехать через весь город.

Каждое слово было справедливым.

Я ненавидела эту сцену.

– Я верну задаток и оплачу вам дорогу.

– Мне не нужна оплата дороги.

– Тогда просто верну задаток.

Она смотрела на меня с раздражением.

Не кричала.

Не обвиняла.

От этого было только хуже.

– Когда сможете?

Я открыла тетрадь.

Посмотрела на завтра.
Там уже стояли трое.
Послезавтра я должна была работать с материалами Карваля.
Рука сама потянулась вписать женщину утром.
Я остановилась.
Нет.
– Через два дня после полудня.
– Раньше никак?
– Нет.
Непривычно.
Не «постараюсь».
Не «может быть».
Нет.
Женщина вздохнула.
– Хорошо.
Когда она ушла, я закрыла мастерскую.
Средь бела дня.
На двери повесила маленькую записку:
«Сегодня приём закончен».
Постояла.
Потом добавила:
«Запись переносится только после подтверждения мастера».
Это было нужно в первую очередь мне.
Я поднялась в свою комнату и первым делом открыла защитный шов.
На этот раз профессиональное зрение пришло с трудом.
Плохой знак.
Красная структура проявилась постепенно.
Шов действительно ослаб раньше.
Одна точка натяжения поползла.
Вторая держалась, но слишком много силы уходило на компенсацию первой.
Я почувствовала чужой рывок в источнике.
Слабый.
Обычный.
Рейнар где-то тратил магию.
Шов задержал большую часть оттока.
Но не весь.
Я выдохнула.
Исправлять сразу было нельзя.
Я слишком устала.
Раньше я бы всё равно полезла.
Сделала бы.
Стиснула зубы.
Потом легла бы с головной болью и сказала себе, что просто день тяжёлый.
Я закрыла зрение.
Легла поверх покрывала.
Поставила часы на тумбу.
И ничего не делала.
Первые десять минут это оказалось почти невыносимо.
В голове крутились деньги, которые я сегодня не заработаю.

Клиенты.
Завтрашние записи.
Контракт Зарнакса.
Суд.
Архив.
Севар Кейн.
Мастерская.
Материалы.
Нужно написать матери.
Я давно не писала матери.
От этой мысли стало особенно стыдно.
Я перевернулась на бок.
Нет.
Сегодня список не победит.
Через какое-то время заснула.
Разбудил стук в дверь.
Я села слишком резко.
Комната качнулась.
– Аврора?
Голос был женский.
Хозяйка комнат.
– Да?
– К вам курьер.
– Сейчас.
Я пригладила волосы.
Посмотрела на себя в зеркало.
Пожалела.
Внизу ждал молодой военный связной.
Форма Карваля.
Он протянул мне закрытый пакет.
– От командования.
– Что-то срочное?
– Мне не сообщали.
Пакет оказался коротким.
«Мастер Аврора.
Сегодня ожидался ваш предварительный комментарий по двум новым делам. Его нет.
Сообщите, требуется ли перенос работы.
Зарнакс».
Я перечитала.
Ни претензии.
Ни вопроса, почему я не выполнила обещанное.
Просто сообщите, требуется ли перенос.
Я посмотрела на курьера.
– Он ждёт ответ?
– Да.
Я поднялась в комнату.
Села за стол.
Написала:

«Требуется. Сегодня работу прекращаю. К документам вернусь завтра после проверки собственного состояния».

Остановилась.

Слишком много информации.

Можно было написать только:

«Требуется перенос».

Но почему-то не захотелось.

Подписала.

Передала.

Курьер ушёл.

Через час вернулся другой.

Я уже успела поесть и начала осторожно обслуживать шов.

На этот раз ответ был ещё короче.

«Принято.

Если нужно передать работу другому мастеру или перенести встречу в Карвале, сообщите.

Если нет, не отвечайте.

Зарнакс».

Я смотрела на последнюю фразу.

Если нет, не отвечайте.

Странный человек.

Предложил помощь и заранее разрешил её не принимать.

Я положила письмо на стол.

Потом всё-таки взяла обратно.

Перечитала.

Не потому, что там было что-то особенное.

Наоборот.

Именно потому, что не было.

Ни приказа отдыхать.

Ни предложения прислать лекаря без спроса.

Ни замечания, что он платит и ожидает результат.

Только возможность.

Я могла сказать да.

Могла нет.

Почему такая простая вещь ощущалась почти роскошью?

Я написала:

«Встречу в Карвале пока переносить не нужно. Завтра сообщу».

Потом подумала.

Добавила:

«Спасибо».

Зачеркнула.

Написала снова.

«Спасибо».

Оставила.

К вечеру шов удалось стабилизировать.

Не улучшить.

Именно стабилизировать.

Это слово теперь нравилось мне больше.

Раньше я всё пыталась исправлять до идеального состояния.

Работу.

Дом.

Чужое настроение.

Себя.

Иногда достаточно было не дать вещи разрушиться, пока не появятся силы на большее.

Я поела.

Не открывала мастерскую.

Не стала читать документы.

Даже счётную книгу убрала в ящик.

Ближе к ночи почувствовала себя лучше.

Дрожь исчезла.

Холод почти ушёл.

Я сидела у окна, завернувшись в платок.

Во дворе гасили мастерские.

Один за другим закрывались окна.

Люди уходили домой.

Обычная жизнь.

Я думала о деньгах, которые потеряла сегодня.

Оказалось, пережить это можно.

Неприятно.

Но можно.

Гораздо страшнее было бы продолжить и ошибиться на чужой связи.

Или сорвать шов.

И снова остаться без сил просто потому, что не сумела вовремя сказать себе то же самое слово, которое уже научилась говорить другим.

Нет.

Я улыбнулась.

Очень взрослая победа.

Лечь спать вовремя.

Если бы кто-то рассказал мне раньше, я бы не поверила.

Резкий холод разбудил меня среди ночи.

Не тот, что появлялся при обычном ослаблении.

Этот ударил сразу.

Под рёбрами будто распахнулась дверь.

Я села.

Воздуха не хватило.

Красная нить, которую я не видела обычным зрением, ощущалась сейчас всем телом.

Рывок.

Ещё один.

Шов натянулся.

Я прижала ладонь к боку.

– Нет.

Источник ответил слабостью.

Рейнар тратил силу.

Много.

Очень много.

Не обычная тренировка.

Не повседневная работа.

Драконий вылет.

Серьёзный резонанс.
Или что-то, что требовало от него почти предельной нагрузки.
Скрытый узел открылся шире.
Защитный шов удерживал его.
Пока.
Я спустила ноги на пол.
Пальцы дрожали.
Открыла профессиональное зрение.
Красная структура вспыхнула слишком резко.
Шов был цел.
Но чужой канал давил изнутри.
Как вода на плотину.
Рейнар не мог сознательно видеть мою защиту.
Не мог открыть её руками с другого конца.
Но его истощённый резерв требовал то, к чему привык.
Мою силу.
Я поставила первый зажим.
Руки слушались плохо.
Второй.
Холод прошёл до плеча.
Я остановилась.
Не торопиться.
Если сейчас начать стягивать сильнее, можно повредить собственный источник.
Шов должен ограничивать.
Не рвать.
Рывок.
Перед глазами потемнело.
Я вцепилась пальцами в край стола.
Дыши.
Просто дыши.
Рейнар где-то далеко, возможно, был в воздухе.
Рядом с драконом.
С людьми.
В ситуации, где ему действительно требовалась сила.
Раньше одной этой мысли было бы достаточно.
Аврора, ему нужно.
Аврора, это служба.
Аврора, потерпи.
Моя рука дрогнула над защитным швом.
Можно было ослабить.
Совсем немного.
Дать каналу больше.
Рейнар получит привычный резерв.
Мне станет хуже, но он...
Я закрыла глаза.
Нет.
Его работа не давала ему права открыть мой источник без моего решения.
Даже если работа была важной.
Даже если опасной.

Даже если там, далеко, происходило что-то настоящее, а не удобное оправдание.
Моя сила оставалась моей.
Я удержала шов.
Ещё один рывок прошёл по связи.
Потом ещё.
А потом давление начало спадать.
Медленно.
Я не сразу поверила.
Сидела у стола, пока пальцы не перестали судорожно держать зажим.
Красный канал снова сузился.
Шов уцелел.
Но одна точка почти расползлась.
Утром придётся переделывать часть защиты.
Я закрыла зрение.
Комната вернулась.
Темнота.
Стол.
Окно.
Моя собственная тень на стене.
Я положила голову на сложенные руки.
И вдруг поняла ещё одну вещь.
Рейнар тоже должен был почувствовать сегодняшнюю ночь.
Не мой шов как магический знак.
Но нехватку.
Разницу.
То, что привычного объёма силы больше нет.
Он мог списать первые дни на случайность.
На усталость.
На нестабильность после развода.
После этой ночи уже нет.
Я медленно подняла голову.
Завтра он поймёт окончательно.
Я перестала быть его удобным резервом.
И Рейнар вряд ли оставит это без ответа.

Глава 8. Это моя сила

Рейнар пришёл в мастерскую в половине десятого утра.

Без письма.

Без предупреждения.

Без права на это место, которое он почему-то всё равно заполнил собой сразу, как только переступил порог.

Я как раз заканчивала проверять защитный шов после ночного рывка.

Один участок пришлось снять и наложить заново. Остальные держались, но вся конструкция стала плотнее и грубее, чем мне нравилось.

Зато работала.

Холод под рёбрами отступил.

Пальцы больше не дрожали.

Я убрала направляющую иглу в коробку и услышала шаги на лестнице.

Не клиентские.

Слишком уверенные.

Я успела подумать о Зарнаксе.

И сразу разозлилась на себя за то, что вообще подумала.

Потом дверь открылась.

И я увидела мужа.

Рейнар остановился на пороге.

В форме.

Без плаща.

Волосы ещё были слегка влажными после утреннего умывания, а под глазами лежали тени, которых несколько дней назад не было.

Значит, ночь тяжело далась не только мне.

Странное удовлетворение оказалось очень коротким.

Я слишком долго любила этого человека, чтобы радоваться его усталости по-настоящему.

И слишком хорошо помнила, кто за неё заплатил.

– Ты нашёл меня.

Рейнар оглядел мастерскую.

Старый стол.

Шкаф.

Две полки.

Трещину в стене, которую я пока прикрыла узкой деревянной панелью.

Табличку у двери.

Его взгляд задержался на ней чуть дольше.

«Мастер Аврора. Магические связи».

– Нашёл.

– Зачем?

Он посмотрел на меня.

– Нам нужно поговорить.

Я почувствовала почти физическое раздражение.

– У тебя удивительный талант начинать худшие разговоры моей жизни одной и той же фразой.

Рейнар поморщился.

– Я не пришёл ссориться.

– В первый раз тоже, кажется, не собирался.

Он закрыл дверь.

Я сразу сказала:

– Оставь открытой.

Рейнар замер.

Всего на секунду.

Потом снова открыл.

Не полностью.

Но достаточно.

Я вернулась к столу.

– Говори.

Он не сел.

Раньше я бы предложила чай.

Спросила, ел ли он.

Обратила внимание, что правая кисть у него чуть напряжена после большой нагрузки.

Я всё это заметила.

Просто ничего не сделала.

– Ты поставила ограничивающий шов.

– Да.

– Я понял.

– Вчера ночью?

Взгляд стал жёстче.

– Вчера ночью могла сорваться операция.

Вот оно.

Я опустила крышку коробки.

– Какая операция?

– Служебная.

– Мне этого недостаточно.

– Больше я не могу рассказать.

– Тогда не используй это как доказательство.

– Это не доказательство. Это факт.

Рейнар наконец прошёл дальше.

Остановился с другой стороны стола.

– У нас был тяжёлый вылет. Дольше расчётного. Резонанс пришлось удерживать почти на пределе.

Я молчала.

Значит, я угадала.

– Обычно после таких нагрузок резерв восстанавливается быстрее.

– За мой счёт.

– За счёт поддержки, которая действовала годами.

– За мой счёт.

Он выдохнул.

– Хорошо. За счёт твоей поддержки.

– Так точнее.

– И вчера этой поддержки почти не было.

Мне захотелось сказать, что я заметила.

Очень заметила.

Но я не хотела отдавать ему подробности моего состояния.

Пока нет.

– Ты справился.

– Дело не в этом.

– Тогда в чём?

Рейнар посмотрел на меня так, словно ответ должен был быть очевидным.

Когда-то именно такой взгляд заставлял меня сомневаться в собственном понимании.

Вдруг я что-то упустила.

Вдруг действительно всё проще.

Сегодня не сработало.

– В стабильности, – сказал он. – Я не могу выходить на задание и гадать, какой резерв у меня останется через час.

– Тогда рассчитывай на свой.

– Я и рассчитываю.

– Прекрасно.

– Не передёргивай.

Я сжала губы.

– Ты пришёл в мою мастерскую после того, как ночью мой источник дёргало так, что я едва удержала шов. И рассказываешь мне, как неприятно тебе было не получить привычное количество моей силы.

– Я не знал, что тебе стало плохо.

– А если бы знал?

Рейнар не ответил сразу.

Очень зря.

– Я бы хотел найти решение, которое не вредит никому.

Я тихо рассмеялась.

– Вот поэтому мы и развелись бы прекрасно, если бы ты не захотел оставить себе мой источник.

– Мы ещё не развелись.

Боль пришла мгновенно.

Дурацкая.

Почти унизительная.

Я знала.

Конечно, знала.

Но услышать это от него оказалось хуже.

Мы всё ещё были мужем и женой.

Юридически.

После Эвелары.

После его готового соглашения

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.